

ЭЛЬ КРАВЕН

АРХЕОЛОГ ЗАПРЕТНОГО СЛОЯ

ГОРОД ПОД ГОРОДОМ

Эль Кравен

**Археолог Запретного
Слоя. Город под городом**

«Автор»

2026

Кравен Э.

Археолог Запретного Слая. Город под городом / Э. Кравен —
«Автор», 2026

В этом мире древние города разбирают на топливо. Мне сорок два, я полевой археолог. Представляете, как мы поладили? Обвал на раскопках забросил меня под Кайр, где прошлое продают на вес, а незваных гостей отправляют в штрафную шахту. Мне достались кандалы и Полевой каталог — странная Система с классом Регистратора. Удара она не усилит. Зато поможет разобраться в находках, которые местные предпочли бы не замечать. Согласно учебникам, под городом шесть культурных слоёв. Я нашёл седьмой. Карты подделаны. Подземные улицы меняют длину. А крупнейшая добывающая компания уже снаряжает экспедицию за Сердцем слоя. За эту находку готовы заплатить состояние — и взорвать всё, что мешает до неё добраться. Только вынимать её нельзя. Теперь мне придётся собрать команду и спуститься туда, чего нет ни на одной официальной карте. Если не успею остановить добычу, погребённым городом станет уже Кайр.

© Кравен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обвал	5
Глава 2. Человек без слоя	14
Глава 3. Чужая яма	24
Глава 4. Находка без цены	34
Глава 5. Право на кисть	44
Глава 6. Улица под шахтой	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эль Кравен

Археолог Запретного Слая. Город под городом

Глава 1. Обвал

Известняк ведёт себя прилично ровно до тех пор, пока не решит тебя убить. Сейчас он ещё делает вид, что раздумывает: с потолка сыплется редкая белая крупа, из-за прижатой к стене плиты тянет мокрым холодом, а где-то в глубине пещеры с равными промежутками капает вода. Капля ударяет о камень, Кирилл Орлов поднимает ладонь, и мы оба замираем, хотя прекрасно понимаем, что услышали всего лишь воду. Ладонь он опускает медленно, не сводя с меня глаз.

— Ещё раз объясни, зачем археолог полез впереди спасателя.

Он говорит тихо. Повышать голос здесь не хочется даже человеку, который не верит в дурные приметы.

— Потому что спасатель хотел резать распорку, — отвечаю я, не отводя фонарь от потолка. — А археолог заметил, что на ней лежит полпещеры.

Кирилл переводит взгляд на сосновый брус, который мы забили в щель сорок минут назад. Тот уже выгнулся, волокна на середине посветлели. Хорошее осталось снаружи вместе с дневным светом и людьми, которые имеют право давать советы, не подставляя под камень голову.

— Я собирался поставить две новые, потом резать.

— Ты собирался поставить их на насыпь. Она ползёт.

— Я знаю, Глеб.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Уголок его маски дёргается. С Кириллом мы работаем третий сезон; для дружбы оба слишком неприятные, зато ругаемся без потери времени.

За плитой шуршит одежда, и голос Нади становится ближе:

— Вы там закончили мериться стажем? У меня батарея садится.

— Не двигайся, — одновременно говорим мы.

— Вот теперь мне спокойнее.

Надя застряла в дальней камере два часа назад, когда после ливня просел край шурфа. Проход сузился до щели в ладонь, а потолок с тех пор опускается на два миллиметра каждые десять минут. На бумаге ерунда. Под шестью тоннами известняка — расписание. Я просовываю эндоскоп: Надя сидит боком между стеной и осыпью, прижимая к колену планшет с полевой ведомостью. Приятно работать с правильно испорченными людьми.

— Покажи правую стену, — прошу я.

Надя берёт камеру двумя пальцами, разворачивает. Луч выхватывает кладку из плоских плит. Не природный выход, как решили утром, а заложенный лаз. Раствора нет; камни держатся за счёт подборки и собственного веса. Нижний ряд выдавило к ней сантиметров на пять.

Плита над нами отвечает сухим шелчком. Кирилл перестаёт спорить, подтягивает короткую стойку и осторожно разворачивает винт. Я слежу за стыком кладки: если нижний ряд поползёт ещё, камера Нади сложится раньше, чем мы расширим щель.

— Давление пошло, — шепчет Кирилл.

Брус скрипит. Пыль с потолка вдруг перестаёт сыпаться: мелочь уже выбрало, края сомкнулись и держат нагрузку насухо.

— Пол-оборота назад.

— Щель закрывается.

— Пол-оборота, Кирилл.

Он всё-таки отпускает винт. Плита садится, Надя ругается из-за стены. Я снимаю перчатку, провожу пальцами по краю лаза и понимаю: верхнюю плиту закусало в выемке. Поднимая её, мы сами вытаскиваем клин, который пока спасает Надю.

— Не поднимаем, — говорю я. — Разбираем закладку справа. По одному камню. Она выйдет через лаз.

— Там сорок сантиметров.

— У неё узкие плечи.

— Я всё слышу, — сообщает Надя, и я велю ей сначала вытолкнуть рюкзак, потом ползти левой рукой вперёд, повернув голову боком.

Кирилл принимает вес камня пневмодомкратом, я разбираю кладку справа. На третьем обломке открывается пустота, на пятом из неё пахнуло сухим, хотя пещера после ливня мокрая. Луч выхватывает край гладкой чёрной плиты с тонкими бороздами: дуги, риски, углубления в местах пересечений.

Я задерживаю на ней свет.

— Глеб, — предупреждает Кирилл.

— Вижу.

— Нет, ты опять видишь что-то своё. Смотри на стойку.

Винт домкрата отклонился от вертикали, основание уже продавало влажную насыпь. Я отнимаю руку от чёрного камня и просовываю в лаз стропу.

— Надя, цепляй рюкзак. Карабин к себе, замок от стены.

Стропа наконец натягивается. Мы вытаскиваем рюкзак, планшет и каску; вслед за ними в щели появляется рука. Надя разворачивается плечом, рукав цепляется за край, Кирилл проталкивает под плиту защитный лист.

— Теперь ползи, — говорю я. — Медленно. Правое колено не ставь на кладку.

— Оно и так никуда не ставится.

— Прекрасно. Уже половина техники безопасности соблюдена.

Показывается перепачканная щека. Кирилл перехватывает Надю за предплечья. В этот момент вода перестаёт капать.

Не становится тише. Наоборот, я слышу звук, который прятался за каплями: низкий каменный хруст идёт не от плиты, а из-под нас.

— Назад! — ору я и толкаю Кирилла вместе с Надей к выходу.

Пол проседает мягко, почти лениво. Моя ладонь скользит по чёрной плите, пальцы попадают в одно из круглых углублений, и камень отвечает толчком — будто далеко внизу захлопнули тяжёлую дверь. Свет Кирилла взмывает к потолку. Надя кричит уже с другой стороны щели. Я успеваю увидеть, как сосновая распорка лопаётся посередине, и участок пола отходит целиком. Плита падает вместе со мной.

Первые два метра я жду удара. Через миг луч налобника мечется по стенам, а стены почему-то уходят вниз быстрее меня. Чёрный камень вращается рядом, его борозды светятся. На одно невозможное мгновение вместо шахты я вижу помещения, наложенные друг на друга: арки внутри лестниц, мостовую над потолком, окна, за которыми лежит ещё один дом.

Я всё-таки ударяюсь. Воздух вышибает из груди, затылок встречается с чем-то твёрдым, и мир решает, что продолжит без меня.

Возвращает меня кашель. Лёгкие на месте, рёбра с этим не согласны. Я лежу лицом в крупном песке и не спешу вставать: после падения люди вскакивают не потому, что целы, а потому, что мозг ещё не получил ведомость повреждений. Пальцы шевелятся, правое колено сгибается, в левом боку горячо, но хруста на вдохе нет.

Я открываю глаза. Налобник погас, однако темноты нет. В десяти шагах на стене светится узкая янтарная полоса. Она вставлена между каменными блоками и накрыта частой металлической решёткой. Свет ровный, без огня, чуть пульсирует. Ни кабеля, ни патрона, ни любой другой детали, которую я мог бы уверенно назвать знакомой.

Сажусь, упираясь ладонью в пол. Под пальцами смесь известковой крошки, битого кирпича, золы и щепы; попадаются обломки зелёной глазури. Культурный слой, недавно развороченный. Рядом моя сумка, из кармана торчит кисть с погнутой обоймой. Разбитый телефон загорается, но сети нет, а часы стоят.

— Кирилл! — кричу я.

Эхо возвращает имя с неприятной задержкой. За ним приходит чужой голос.

Слева, за поваленной рамой, кто-то говорит быстро и зло. Звуки человеческие, но ни один не цепляется за смысл. Второй голос отвечает выше, следом металл ударяет о камень.

Я вытаскиваю из сумки фонарь, проверяю корпус. Стекло треснуло, но он включается. Луч режет пыль и упирается в человека, который уже целится мне в лицо короткой киркой.

Ему около шестидесяти: худой, жилистый, седые волосы прилипли ко лбу, на щеке кровь. К широкому ремню цепочкой прикреплена металлическая пластина. Ни каски, ни желания объяснять, что здесь происходит.

— Добрый вечер, — говорю я, медленно поднимая пустые руки. — Или что у вас тут.

Седой перехватывает кирку. За его плечом показывается остроносый подросток в кожаном колпаке, таращится на фонарь и произносит одно слово. В ответе старика повторяется «Лот» — то ли имя парня, то ли приказ держаться сзади.

— Не понимаю, — объясняю я. — Совсем. Если это ограбление, предупреждаю: телефон разбит, деньги промокли, кисть служебная.

Они принимают русскую речь за бред контуженного. Седой тычет киркой мне за спину и что-то спрашивает. Я оборачиваюсь.

Чёрной плиты нет. Над местом, где я лежал, нависает арочный свод из жёлтого кирпича. В кладке зияет свежая проломина, но за ней не вертикальный колодец, а плотный серый камень с тонкой светлой жилой. Ни прохода, ни следов падения. Только на полу остался осколок чёрного материала величиной с ноготь. Я тянусь к нему, и кирка мгновенно касается моего запястья.

— Хорошо, — говорю я, выпрямляясь. — Не моё. Хотя прилетело вместе со мной.

Седой слышит в тоне насмешку. Его глаза сужаются. Несколькими словами и движением кирки он связывает меня с дырой в своде. Вопрос понятен без перевода.

Я показываю пальцами вниз, изображаю падение. Подросток фыркает и умолкает под взглядом Седого. Старик поворачивает металлическую пластину на своём ремне. На ней выбиты три знака и число, похожее на шесть. Такие же пластины носят ещё двое за рамой: крупный мужчина прижимает руку к бедру, коротко стриженная женщина держит масляную лампу. На их запястьях широкие браслеты с заклёпками; к женскому пристёгнут обрывок цепи.

Шахтёры, заключённые или здешняя разновидность трудового энтузиазма.

Из глубины коридора приходит глухой удар. Янтарная полоса на стене вспыхивает и тускнеет. Крупный мужчина что-то кричит. Все трое одновременно смотрят вверх; я задираю голову следом.

Арка над нами сложена плохо. Не потому, что строители не умели: её уже дважды ремонтировали разным кирпичом, а при последней починке забили шов слишком жёстким раствором. Старый участок принимает деформацию, новый держится, и нагрузка уходит к границе ремонтов. Там тянется свежая трещина. Пока тонкая, в волос, но из неё при каждом далёком ударе выдыхает пыль.

Седой машет остальным в правый проход. Они подхватывают мешки и инструменты с поспешностью людей, которым не впервые приходится спасаться. Крупный хромает. Подросток пытается помочь ему, получает толчок в плечо и хватает два мешка сразу. Путь отмечен на стене белыми стрелками. Первая указывает под арку с трещиной.

— Нет, — говорю я.

Никто не реагирует. Седой уже протискивается мимо деревянной рамы. Я хватаю его за рукав.

Он разворачивается быстрее, чем должен человек его возраста, и бьёт древком кирки. Я успеваю закрыться предплечьем; боль простреливает до плеча. Следующий удар не наносит, держит острие у моего живота и говорит медленно, разделяя слова. Смысла от этого не прибавляется, зато намерение ясное: руки держать при себе, рот желательно тоже.

— Там рухнет, — отвечаю я, веду пальцем вдоль трещины, соединяю ладони и резко сдвигаю одну вниз.

Подросток следит за жестом. Женщина — за потолком. Седой не смотрит туда вовсе; не хочет показывать, что я заставил его сомневаться. Он отталкивает мою руку и снова машет к правому проходу.

Я подбираю с пола кусок белого кирпича, подхожу к стене рядом с трещиной и провожу две короткие риски — одну на старой кладке, другую на ремонтной вставке, точно совместив края. Седой окликает меня. Я показываю ему ладонь и считаю вслух до пяти.

На четвёртом счёте из глубины снова ударяет. Пол едва заметно вздрагивает. Между белыми рисками появляется тёмный зazor.

Женщина резко втягивает воздух. Подросток бросает мешки. Крупный мужчина что-то говорит Седому без всякого почтения. Тот наклоняется к меткам, трёт одну пальцем, выпрямляется и смотрит на меня уже иначе. Кирку, правда, не опускает.

Я показываю на левый проход. Он узкий, завален битой кладкой почти до половины, зато над ним старый клинчатый свод без жёстких заплат. Между камнями проросли тонкие белые натёки; ни один не сломан. Деформации там не было давно.

Седой качает головой и указывает на лампу, затем в темноту. Видимо, тупик или нет выхода. Правый ход знаком и размечен, левый — нет. Я бы тоже не пошёл в неизвестность на основании жестов человека, который только что выпал из стены. Проблема в том, что знакомый путь уже начал складываться.

Далёкий грохот переходит в протяжный гул. Теперь дрожит не пол — воздух. Янтарная полоса гаснет на половине стены. Из трещины над правым проходом вылетает струя пыли.

Седой принимает решение. Показывает крупному и женщине на левый ход, подростку — помогать им. Сам остаётся у рамы и делает мне короткий жест вперёд. Раз уж предложил дорогу, первым по ней и полезу. Никакой мистики, обычное производственное совещание.

Я затягиваю ремень сумки и забираюсь на осыпь. Кирпичи под ногами крошатся, приходится разгребать их руками. Слева обнаруживается низкий проём, сложенный из широких каменных блоков. По низу тянется желоб, сухой, но гладко истёртый водой. Когда-то здесь был водосток или служебный лаз. Воздух из него идёт прохладный. Это ещё не обещает выхода — сквозняк бывает и между двумя могильными камерами, — однако сейчас мне достаточно направления, в котором потолок не падает на голову.

Я оборачиваюсь, показываю большой палец. Подросток отвечает тем же, криво улыбнувшись. Универсальный язык всё-таки существует, просто грамматика бедная.

За нашей спиной арка ломается со звуком выстрела в закрытой комнате. Первый кирпич бьёт Седого в спину, ремонтная вставка сползает вниз, и старик исчезает в белом облаке. Женщина рвётся к нему, крупный хватает её за плечо, но сам не удерживается на больной ноге. Подросток кричит: «Сил!» — теперь я точно понимаю, что это имя.

Основная масса свода держится ещё секунду, может, две. Я прыгаю обратно, хватаю Сила под мышки и тащу из-под кирпичей. Он тяжёлый не телом — инструментами на ремне. Кирка цепляется за раму; я выхватываю нож и режу кожаную петлю. Сил пытается встать сам, но нога подворачивается.

— Потом будешь гордым, — рычу я. — Сейчас ползи.

Он, конечно, не понимает. Зато тон понимает прекрасно. Вцепляется мне в куртку, переносит вес на здоровую ногу. Подросток хватает его с другой стороны. Мы втроём переваливаемся через кирпичную гряду в левый лаз, женщина проталкивает следом крупного. Над правым проходом с тяжёлым вздохом садится остальная арка.

Тьма ударяет сразу. Масляная лампа гаснет от воздушной волны, мой фонарь вылетает из руки и остаётся где-то под кирпичами. Несколько мгновений вокруг только кашель, ругань на чужом языке и скрежет камней, которые ещё устраиваются на новых местах. Подросток прижимается плечом к моему боку. Его трясёт так, что дрожь передаётся мне.

Я нащупываю налобник, щёлкаю кнопкой. Ничего. Ещё раз. Белый свет вспыхивает и сразу становится слабее, но лица вокруг появляются. Все четверо живы. У Сила разбита бровь, женщина держит левую руку у груди, крупный мужчина сидит, вытянув больную ногу. Подросток — Лот, если я правильно услышал, — смотрит на погребённый проход и беззвучно шевелит губами.

Сил отводит его за плечо и говорит что-то резкое. Лот срывается на ответ. Старик замывается, но ладонь застывает у щеки парня и опускается. Он поворачивается ко мне, поднимает обрезанную петлю от кирки и протягивает руку.

Я не сразу понимаю, чего он хочет. Вкладываю нож ему в ладонь; Сил проверяет лезвие большим пальцем и возвращает рукоятку вперёд. Не благодарность. Скорее признание, что пока можно не убивать друг друга.

Сзади трещит камень. Мы одновременно оглядываемся: через осыпь тянется струйка пыли, с каждым толчком всё гуще. Первый обвал перекрыл правый ход, но нагрузка пошла дальше по своду, к нашему лазу. У нас несколько минут, возможно, меньше.

Лот хочет идти первым, но Сил хватает его за ворот и ставит перед проёмом меня. Парень тычет в мои ботинки и сумку: чужак знает ещё меньше. В этом он прав, однако старик уже суёт мне масляную лампу и указывает вперёд.

— Демократия у вас быстрая, — говорю я. — Голосование киркой, подсчёт сразу.

Женщина усмехается и зажигает лампу, повернув кольцо в основании. Между металлическими зубцами проскакивает синяя искра. Я слишком устал удивляться, прикрываю огонь ладонью и лезу в проход.

Иду согнувшись по сухому желобу. Старая каменная работа здесь перебита кирпичом, железными скобами и свежим кабелем в плетёной оболочке. История не лежит слоями, как в нормальном раскопе: её распороли и пустили по ней людей с мешками.

Через десять метров лаз раздваивается. Верхняя ветка поднимается ступенями, оттуда тянет воздух; нижняя уходит к застоявшейся воде. На верхних ступенях видны свежие царапины. Я рисую мелом стрелку вверх, Сил кивает, и мы начинаем подъём.

Поднимаемся на четыре ступени. Воздух становится сильнее, пламя ложится почти горизонтально. На пятой я замечаю, что пыль летит нам навстречу.

Сквозняк не тянет к выходу, а засасывает воздух к пустоте после обвала. Царапины оставили не люди — кирпичную крошку волокно по ступеням.

Сил упирается мне ладонью в спину, спрашивает. Я показываю на пламя и сдуваю пыль с нижней ступени. Частицы уходят вверх. Старик хмурится, Лот оборачивается на оставленную стрелку.

Я стираю её рукавом. Мел размазывается, приходится достать карандаш и перечеркнуть след двумя жирными линиями. Рядом ставлю новую стрелку — вниз, к воде.

На миг свет лампы двоится. Перед глазами появляется тонкая сетка, как после слишком яркой вспышки. Линии ложатся поверх кладки, выделяют старую стрелку, зачёркивание и мою ладонь с карандашом. Внутри головы возникает ощущение чужого внимания — без голоса, без слов, холодное и аккуратное. Кто-то словно перелистывает карточку, обнаруживает ошибку и оставляет её незакрытой.

Я моргаю. Сетка исчезает.

— Только не сейчас, — бормочу я.

Сил касается пальцем своего виска и вопросительно поднимает бровь.

— Именно. Но выбирать вам не из кого.

Мы возвращаемся и спускаемся к воде. Теперь Сил смотрит, куда я ставлю ноги, и повторяет; Лот лезет вперёд, получает от меня два сердитых жеста, на третий показывает язык. У крупного мужчины распухла нога, темп падает, а рокот за спиной расстояние почти не приглушает.

Впереди дорогу перегораживает решётка из толстых металлических прутьев. Нижнюю часть забило мусором, верхняя уходит в камень. Замка нет. Прутья соединены поперечной полосой, на которой повторяются круглые углубления и дуги с чёрной плиты. Тот же рисунок, только теперь линии заполнены тусклым светом.

Когда я приближаю лампу, свет внутри металла следует за пламенем. За решёткой видны вертикальный колодец и железная лестница.

Лот вскрикивает и бросается вперёд. Сил хватается за него, но поздно: парень уже вцепился в прутья. Белые линии вспыхивают, решётка отзывается низким звоном. Лот не может разжать пальцы. Его тело выгибается, пятки скребут по камню.

Женщина тянет Лота за ремень, Сил бьёт рукояткой ножа по его руке. Свет становится ярче. Я отталкиваю старика.

— Не бей! Остановись!

Рисунок реагировал на огонь, а не на прикосновение. Я гашу фитиль — железо остаётся светлым — и швыряю лампу назад.

Свет внутри прутьев течёт за ней. Линии на миг вытягиваются, будто их действительно можно оттянуть. Пальцы Лота освобождаются. Он падает в воду, женщина сразу накрывает его собой. От ладоней парня идёт пар, кожа красная, но не обуглена.

Сил смотрит с раздражением человека, которому приходится признать мою пользу. Мне это выражение знакомо и почти приятно.

Решётка тем временем меняется. Круглые углубления на поперечной полосе гаснут по одному, а крайний прут медленно уходит в стену. Открывается щель шириной сантиметров сорок.

Я не знаю, что включил. За спиной приходит грохот, вода поднимается мутной волной. Разбираться некогда.

Я протискиваюсь первым, следом женщина и Лот. Крупный застревает плечами; приходится снять с него куртку, поднять руки и развернуть боком. Мы втроём втягиваем его сквозь щель. Сил остаётся последним и вдруг возвращается за кожаной сумкой, забитой под решётку.

— Брось! Что бы там ни было, оно легче твоих похорон.

Ремень сумки цепляется за прут. Из темноты уже катится пыль, Лот кричит имя старика. Я перегибаюсь через решётку и режу мокрую кожу, пока Сил держит её натянутой. Ремень расходится; он проталкивает сумку, хватается за меня, Лот — за мой пояс, женщина — за Лота. Решётку перекашивает, но мы успеваем выдернуть старика до того, как щель забивает камнем.

В сумке оказываются четыре фляги, свёрток ткани и деревянные клинья. Сил раздаёт воду, последнюю флягу оставляет мне. Затем показывает на вертикальный колодец с железной лестницей и разворачивает свёрток: широкая лента с петлями. Крупного обвязываем под бёдра и крестом на груди. Женщина поправляет петлю вокруг здоровой ноги, Сил проверяет узлы, а Лот без команды лезет вверх. Вскоре сверху звенит металл и отвечают чужие голоса.

Помощь рядом. Это хорошо. Люди наверху могут оказаться хуже обвала. Это я оставляю на потом.

Мы поднимаем раненого втроём: Сил тянет ленту сверху, я переставляю его ногу, женщина страхует. На остановке у меня темнеет в глазах. Сил касается моей груди и вопросительно хмурится; я показываю большой палец. Он отвечает жестом, одинаковым во всех мирах: врать научись сначала.

Снизу доносится рокот, горячий воздух гасит лампу. В свете сверху я вижу Лота: он лежит у края и тянет к нам верёвку. Рядом появляются ещё руки.

Крупного вытаскивают первым, следом женщину и Сила. Когда очередь доходит до меня, шахта содрогается. Одно крепление вырывает с куском камня, я повисаю на руках, не находя ногами перекладину.

Лот хватается меня за ремень сумки. Люди сверху тянут зацепившуюся верёвку, от последнего целого анкера уже бежит белая трещина. Ещё рывок — и край колодца сорвётся на всех.

— Не тяните! — ору я и рублю ладонью по верёвке.

Разумеется, они тянут.

Трещина раскрывается. Я цепляюсь локтем за край и бью молотком по застрявшему карабину. Металл срывается, верёвка идёт свободно. Меня вытаскивают; Лот откатывается вместе со мной, мы сталкиваемся лбами.

Парень первым начинает нервно смеяться. Я тоже, хотя от этого больно дышать. Сил хватается Лота за ухо, меня — за ворот и поднимает обоих.

В тот же миг нижняя часть шахты складывается. Лестница исчезает в белом облаке, а чуть ниже того места, где висели мои ноги, остаётся пустота.

Мы вышли — четверо, все, кто был внизу, и я вместе с ними, хотя пока не уверен, что именно это следует считать удачей.

Наверху оказывается не поверхность. Мы стоим на каменном мостике под сводом высотой с пятиэтажный дом. Вверх и вниз уходят другие мостки, лестницы, деревянные площадки. Между ними висят цепи, канаты и трубы; вдалеке медленно движется решётчатая клеть, набитая людьми. На противоположной стене рядами горят янтарные полосы. Их света хватает, чтобы увидеть фасады домов, погребённые в толще камня: окна заложены кирпичом, балконы обрезаны проходами, над одной аркой торчит половина каменной вывески. На верхних ярусах туманится дым. Где-то работает паровая машина, судя по тяжёлому выдоху и ритму поршня. Где-то звенит колокол.

Я поворачиваюсь, пытаюсь найти небо. Его нет.

Есть только следующий свод, мостки над ним и ещё один ряд огней в глубине. Город построен в собственной могиле и, похоже, считает это нормальным.

Люди вокруг — человек двадцать — носят одинаковые серые куртки и металлические пластины на ремнях. Некоторые вооружены лопатами, двое держат короткие ружья с широ-

кими стволами. Увидев Сила, они бросаются помогать. Крупного укладывают на носилки; женщина наконец отпускает повреждённую руку и позволяет наложить шину. Лот говорит без остановки, машет руками, показывает то на меня, то на погребённую шахту. В его рассказе я, судя по жестам, трижды падаю, дважды ломаю решётку и один раз вырастаю выше Сила. Старик поправляет его короткой фразой. Парень возмущённо вскидывается, но окружающие смеются.

Смех заканчивается, когда подходят люди с ружьями.

Один говорит с Силом. Второй обходит меня кругом и поддевает стволом край куртки. У него чистые перчатки и медная эмблема на воротнике: вертикальная черта проходит через три кольца. Сил спокойно указывает на завал и свои меловые метки. Вооружённый недолго слушает и протягивает руку к моей сумке.

Я придерживаю ремень.

Вокруг мгновенно становится теснее. Второй поднимает ружьё. Сил что-то резко проносит и встаёт между стволом и мной, прихрамывая. Женщина на носилках приподнимается, добавляет несколько слов. Лот лезет вперёд, получает локтем в грудь и едва не падает с мостика.

— Спокойно, — говорю я, расстёгивая сумку. — Посмотреть можно. Присваивать не советую.

Человек с эмблемой вынимает телефон, нажимает кнопку и едва не роняет, когда экран вспыхивает. Разозлившись на собственный испуг, он достаёт рулетку, блокнот, батарейки, маркеры и кисть. Последняя вызывает больше разговоров, чем телефон. Сил пытается её забрать, но вооружённый отталкивает старика.

Я делаю шаг.

Приклад упирается под рёбра точно в больное место. Я сгибаюсь, ловлю край перил и дышу через зубы. Лот бросается на стрелка, но Сил перехватывает его обеими руками и говорит что-то прямо в лицо. Парень перестаёт вырываться, не сводя с меня глаз.

Человек с эмблемой вытряхивает содержимое сумки на железный стол. Земляные пакеты, этикетки, перчатки, аптечка. Ничего ценного даже по земным меркам. Последним падает чёрный осколок, хотя я точно не подбирал его у пролома.

Разговоры обрываются.

Осколок лежит среди моих вещей и светится по краю. Совсем слабо, но янтарные полосы на стенах отвечают ему одна за другой. Свет прокатывается по огромному двору волной. Паровая машина вдалеке сбивается с ритма. Решётчатая клеть останавливается между ярусами, люди внутри начинают кричать.

Вооружённые забывают обо мне. Один накрывает осколок перчаткой, обжигается и отдёргивает руку. Второй кричит вниз, к площадке с лебёдками. Там звенит сигнальный колокол. Рабочие бегут к тормозным рычагам.

Светлая сетка снова возникает перед глазами.

На этот раз она не исчезает после моргания. Тонкие линии обводят стол, осколок, мою раскрытую сумку и уходят в камень под ногами. Я вижу не предметы, а связи между ними — смутные, как чертёж под грязной калькой. От попытки сфокусироваться начинает мутить, ближние лица отдаляются, перила кажутся плоскими.

Передо мной раскрывается короткая надпись. Не на стене и не в воздухе; она просто занимает место, куда я смотрю. Буквы русские. Смысл от этого не становится приятнее.

ПОЛЕВОЙ КАТАЛОГ

Контекст входа: нарушен.

Наблюдатель: не зарегистрирован.

Статус: **НАРУШИТЕЛЬ.**

Доступ: отсутствует.

Я читаю дважды. На третий раз надпись расплывается, сетка гаснет, а вместе с ней возвращается глубина. Успеваю ухватиться за стол, прежде чем колени решают отдохнуть.

С дальнего яруса спускается женщина в длинном серо-синем пальто. Она идёт быстро, не держась за перила, хотя мостик ещё вибрирует после остановки клетки. За ней семенит писарь с деревянным футляром. Вооружённые расступаются. Женщина сначала смотрит на трещины вокруг шахты, на носилки и белую пыль на одежде рабочих. Только потом — на меня. Лет тридцать пять, тёмные волосы стянуты на затылке, на виске прилипла известковая полоска. Она не похожа на человека, которого легко впечатлить светящимся камнем или чужаком, выпавшим из стены.

Она задаёт Силу один вопрос. Старик показывает четыре пальца и кладёт ладонь мне на плечо. Женщина выслушивает Лота, останавливает его поднятым пальцем, приседает у стола. Осколок не трогает: измеряет расстояние до края складной линейкой, ставит две меловые отметки и лишь тогда обращается к вооружённому.

Тот бледнеет, но спорит. Указывает на меня, на сумку и вниз, в заваленную шахту. Женщина поворачивает голову. Я ещё не знаю языка, однако конструкция обвинения стара как незаконные раскопки: чужак появился в закрытой выработке, при нём неизвестный предмет, после его появления остановился подъёмник. Остальное заполнят в протоколе.

Сил снова вмешивается. На этот раз женщина отвечает ему жёстко. Старик сжимает челюсти. Лот делает шаг ко мне, но повреждённая женщина удерживает его здоровой рукой.

Вооружённый достаёт из-за ремня пару железных браслетов. Не тех, что носят рабочие: эти соединены короткой цепью.

— Четверых вытащил, — говорю я, глядя, как он подходит. — Значит, пятый по ведомости идёт в тюрьму. Документация у вас поставлена крепко.

Никто не понимает слов. Сил понимает выражение лица и медленно качает головой, словно просит не усложнять. Женщина в серо-синем пальто следит за моими руками; в её взгляде нет ни благодарности, ни страха, только напряжённый расчёт. Когда браслет защёлкивается на левом запястье, она что-то спрашивает. Я отвечаю по-русски, что моё имя Глеб Корин, мне сорок два года и сегодня у меня был особенно неудачный рабочий день. Писарь старательно записывает звуки, перевирая почти каждый.

Второй браслет защёлкивается ту же. На столе остаётся моя погнутая кисть, наполовину засыпанная чужой белой пылью. Женщина накрывает её ладонью, не позволяя вооружённому сбросить инструмент в мешок. Цепь дёргают, разворачивая меня к лестнице, а в глубине двора оживает остановленная клеть. Люди за решёткой поднимаются к городу, которого я пока не видел; под ногами оседает завал, погребая единственную дорогу назад. Если она вообще была дорогой.

Надпись больше не появляется, но слово остаётся перед глазами, отчётливое и чужое: нарушитель. Судя по оружию, наручникам и тому, как писарь бережно заворачивает чёрный осколок, местные пришли к тому же выводу без всякой системы.

Глава 2. Человек без слоя

Наручники сделаны добротно и подобраны без уважения к человеческой анатомии. Когда решётчатая клеть дёргается вверх, короткая цепь утягивает запястья к поясу, левый бок отзывается под рёбрами, а человек с медной эмблемой придерживает ящик с моими вещами ногой, словно телефон, кисть и пакетики с землёй могут сговориться и сбежать. Рядом женщина в серо-синем пальто следит за роликами и канатом. Мимо проплывают этажи чужого города: обрубленный балкон, лавка с железными ставнями, окно, из которого хозяйка вытряхивает половик прямо в шахту. Потом дома кончаются, но небо не начинается — над нами появляется следующий каменный свод.

Сил едет в соседней секции вместе с Лотом и двумя ранеными. Крупному мужчине привязали к ноге две дощечки; коротко стриженная женщина держит повреждённую руку на перевязи и говорит что-то бригадиру с такой интонацией, что перевод не требуется. Сил отвечает, постукивая пальцем по своей металлической пластине. Лот встречается, показывает на меня и изображает, как решётка разошлась в стене. Страж у двери велит ему замолчать. Парень послушно умолкает на время одного вдоха, после чего начинает объяснять всё заново, только руками.

Разбитый телефон лежит в ящике экраном вверх. На нём по-прежнему восемнадцать сорок семь, хотя с моего падения прошло не меньше двух часов — или там, наверху, не прошло ни секунды. Где Кирилл и Надя, живы ли они, нашли ли провал, я не узнаю. Можно придумать пять версий случившегося, от контузии до смерти под плитой, но честный вывод пока один: я в незнакомом месте, местные считают меня преступником, а возвращаться придётся не туда, откуда привезли.

Женщина замечает мой взгляд, накрывает ящик крышкой и что-то произносит. Одно слово я уже слышал внизу — возможно, имя. Она касается пальцами груди и повторяет:

— Тея Марн.

— Глеб Корин.

Писарь, примостившийся снаружи на узкой площадке, немедленно открывает футляр и записывает. Получается у него что-то вроде «Хелеп Хорин». Я тянусь поправить, цепь звякает, человек с эмблемой поднимает голову. Тея не оборачивается к нему. Берёт у писаря карандаш и протягивает мне вместе с обрывком серой бумаги.

Я пишу имя печатными буквами, ниже ставлю число сорок два и рисую падение. Тея отвечает схемой из шести дуг — шесть уровней, нижний перечёркнут. Я изображаю свою пещеру отдельно и не провожу между рисунками дороги. Именно это ей не нравится. Лист она складывает и прячет в карман.

На следующей площадке нас выводят. Раненых уносят вправо, Сила и Лота оставляют у лестницы под охраной. Лот что-то кричит мне вслед, Сил кладёт ладонь ему на затылок и заставляет склонить голову перед Теей. Старик делает то же самое, хотя заметно, как ему это неприятно. Потом поднимает четыре пальца, указывает на меня и, дождавшись её взгляда, четыре раза стучит кулаком по груди. Я не знаю местных правил, но свидетеля защиты из него получится больше, чем из половины знакомых адвокатов.

Нас ведут по галерее, устроенной внутри бывшего дома. С одной стороны тянутся комнаты с мутными стёклами, с другой вместо наружной стены — перила над шахтой. Из бывшей гостиной сделали помещение для суда: три стола, скамья, железная печь. Над дверью висит зелёная дощечка с теми же тремя кольцами, что на воротнике конвоира, а поперёк стены проведена свежая полоса — знак проверенной кладки, если я правильно понял здешнюю привычку отмечать всё, что ещё не упало.

В камере напротив пахнет мокрой известью. Страж снимает один браслет, протягивает цепь через кольцо в стене и снова защёлкивает железо. Сесть можно на узкую лавку, лечь — только если оставить руки висеть над головой. Человек с эмблемой ставит ящик за решёткой. Тея требует открыть его и раскладывает мои вещи на столе в коридоре, соблюдая тот же порядок, который установила в Нижнем дворе: сначала фотографирует каждый предмет громоздкой камерой на треноге, потом ставит меловые метки, затем разрешает писарю касаться.

Писарь вставляет в камеру тонкую металлическую карточку, Тея поворачивает рукоять, и после сухого разряда на металле проступают очертания моих вещей. Рядом с каждым предметом светится слабый ореол, только у земных пакетов его нет. От чёрного осколка несколько линий уходят за край снимка.

Тея берёт мою куртку. Проверяет швы, молнию, липучку на рукаве, срезает торчащую нитку и зажимает её в маленьких щипцах. Человек с эмблемой — судя по тому, как остальные обращаются к нему, его зовут Керт — хочет забрать куртку, но получает линейкой по пальцам. Он раздражённо произносит длинную фразу. Тея отвечает двумя словами. Писарь прячет улыбку в футляре.

Она кладёт рядом серую куртку рабочего. Здешняя нить неровная, шерстяная; моя синтетика не впитывает воду. Керт указывает на отсутствие эмблемы, клейма и номера, будто отсутствие всего сразу доказывает злой умысел. Тея качает головой. Она не защищает меня, просто не позволяет подменять неизвестное удобным.

Осколок Тея не вынимает из плотной ткани. Четырежды просвечивает свёрток янтарной лампой и ждёт, пока стрелка прибора вернётся к нулю. Последнее показание выше первого; она стирает запись, делает новую и ставит рядом вопрос. Редкое качество — человек злится на результат, но не на бумагу.

Сзади, в стене камеры, что-то негромко щёлкает. Я поворачиваюсь. Звук похож на лопнувший камешек, но сыпи нет. Кладку недавно побелили; свежий слой закрывает швы и всё, что могло бы предупредить заранее. Внизу, у пола, побелка чуть темнее. Я провожу носком по камню. На ботинке остаётся влажная белая пыль.

Керт ударяет стволом по прутьям, и я убираю ногу. Объяснить разницу между грязью и признаком движения пока невозможно, остаётся смотреть. Полоса безопасной кладки проходит и внутри камеры; у середины её край поднимается на толщину пальца, хотя швы пола идут ровно. Не линия кривая — плоскость под ней выгнулась наружу.

Дверь бывшей гостиной открывается. Входит пожилой мужчина в чёрной мантии, короткой спереди и длинной сзади, чтобы не собирать пыль при ходьбе. За ним несут весы и две плоские коробки. Керт сразу выпрямляется. Тея заканчивает запись, складывает линейку и впервые за всё время поправляет волосы. Полевой суд приехал раньше, чем я успел решить, какая из стен убьёт меня первой.

Судья садится за центральный стол и требует привести свидетелей. Сила вводят без браслетов, но под ружьём; Лот просачивается следом, хотя его явно не звали. Судья разрешает ему остаться. Парень сразу показывает мне поднятый большой палец, я отвечаю тем же, и Керт ставит между нами ящик с уликами.

Разбирательство начинается без перевода. Керт кладёт медную эмблему на правую чашу весов и перечисляет предметы из моей сумки; после каждого писарь добавляет маленький груз. Чёрный осколок получает сразу три.

— Если вы спрашиваете, признаю ли я телефон орудием преступления, то он в этом качестве совершенно бесполезен, — отвечаю я. — Разве что показать вам прогноз погоды за вчера.

Тея выкладывает на левую чашу лист с измерениями, снимки и обрывок ткани. Весы остаются перекошенными, но судья откладывает один из грузов. Тея произносит моё имя почти правильно и касается рисунка, где человек падает между двумя несоединёнными схемами.

Сил не умеет красиво свидетельствовать и не собирается учиться. Он чертит пальцем трещину, накрывает ладонью одну деревянную фигурку, четыре другие переставляет в сторону, а меня обозначает мелом, падающим сверху. На вопрос про осколок пожимает плечами и показывает, как Керт вытряхивал сумку. Тот вскакивает; старик молча поворачивает к нему обожжённую ладонь. Керт садится, но по лицу видно: запомнил.

Лот ждать очереди не умеет. Он сталкивает фигурку со стола, вытаскивает её обратно за пояс, изображает свет решётки и едва не сносит весы. Тея ловит парня, судья — чашу, а Сил закрывает глаза, пересчитывая все решения, которые привели его к знакомству с этим подростком. Я смеюсь и сразу прижимаю локоть к рёбрам; бок напоминает, что веселье в мои обязанности не входит.

По весам постепенно понимаю механику. Справа накапливаются незаконный вход, неизвестная находка, остановка подъёмника и сопротивление; слева — спасённые люди, непохожая одежда и отсутствие следов добычи на инструментах. Моя жизнь измеряется не правдой, а тем, насколько удобно её уравновесить.

Наконец судья достаёт две вещи. Первую узнаю сразу — те самые наручники, только с более длинной цепью. Вторая представляет собой узкую железную пластину с тридцатью квадратными ячейками. К ней прикреплён кожаный ремешок и свернутый лист. Судья кладёт цепь справа, пластину слева. Даже без перевода выбор понятен.

Керт указывает на меня и вниз. Тридцать делений — смен или дней, работа вместо камеры. Я показываю на уши и рот: не подпишу то, чего не понимаю. Он усмехается и протягивает мою кисть, предлагая оставить отметку.

Я не двигаюсь.

— Можешь засунуть её в протокол щетиной вперёд, — говорю я спокойно. — Формулировку писарь подберёт.

Керт берёт меня за запястье. Сил делает шаг, ружьё у двери поворачивается к нему. Тея достаёт чёрный свёрток и кладёт рядом с железной пластиной. Стрелка прибора ползёт вверх; судья видит показание и коротко кивает.

Писарь устанавливает пластину в паз на столе. Под ней загорается тонкая янтарная линия. Тея разворачивает свиток так, чтобы я видел строки, и проводит пальцем по первой. Знаки чужие, угловатые, но на краю зрения возникает знакомая светлая сетка. Она тянется от букв к пластине, от пластины к завернутому осколку и дальше — к моим рукам. В висках начинает давить.

Перед глазами появляется окно.

ПОЛЕВОЙ КАТАЛОГ

Временная запись: предложена.

Срок журнала: 30 суток.

Надзор: Тея Марн.

Базовое соответствие речи: после подтверждения.

Статус: **НАРУШИТЕЛЬ.**

Внизу нет кнопки или подсказки, только пустая строка, совпадающая с местом для подписи. В речи судьи впервые всплывают отдельные значения: «работа», «срок», «под надзором», «отказ». Каталог пока лишь сопоставляет запись с тем, что я вижу.

Вместо подписи я рисую глаз, трещину и поднятую ладонь. Если обязан отвечать за участок, мне нужно право остановить работу хотя бы до проверки тем, у кого есть полномочия.

Тея дописывает строку. Керт возражает, но она кладёт поверх текста линейку, как черту, которую нельзя переступить. Судья читает добавление и пожимает плечами: один день с этим человеком дешевле похоронной ведомости.

Я ставлю имя русскими буквами, писарь обводит его местными знаками. Янтарная линия вспыхивает, тридцать ячеек на миг становятся белыми, и чужая речь обрушивается сразу всем весом.

— ...до окончания срока, побега либо решения Палаты о происхождении изъятого предмета, — заканчивает судья. Его губы движутся вместе со смыслом, но голос будто проходит через тонкую металлическую трубу. — Обвиняемый подтверждает?

Я хватаюсь за край решётки. Комната смещается на полшага, правая стена становится ближе левой. Моргаю, жду, пока расстояния вернутся на место.

— Подтверждает, что теперь хотя бы слышит, — отвечаю я.

Лот восторженно выдыхает. Сил произносит короткое ругательство, которое переводится без задержки и заметно хуже, чем звучало раньше. Керт отступает от решётки. Тея не улыбается; она следит за моими зрачками и считает секунды по часам на цепочке.

— Имя? — спрашивает судья.

— Глеб Корин. Не Хелеп, не Хорен и не то, что ваш писарь успел придумать в третьей строке.

Писарь торопливо прикрывает лист ладонью. Судья смотрит на него, потом на меня и позволяет себе едва заметную усмешку.

— Род занятий?

— Полевой археолог. Исследую то, что осталось от людей, фиксирую место, слой и связи предметов, прежде чем вынимать.

— Учёный Палаты? — Судья кивает на Тею.

— Нет. В моей стране это отдельная профессия.

— Какой стране?

— России. — На развёрнутой Теей карте её, разумеется, нет. — Планета Земля подойдёт?

Керт фыркает. Лот шепчет Силу, что я, оказывается, упал дальше, чем он рассказывал. Старик велит ему закрыть рот, однако сам смотрит на карту с новым беспокойством.

Тея складывает карту. — На одежде нет цехового клейма. Волокно неизвестно, застёжки изготовлены с часовой точностью, измерительные знаки совпадают с нашими лишь частично. При этом на вас нет ни дорожной пыли верхних ворот, ни следов моря.

Она говорит без нажима, как перечисляет цифры в акте. Керт перебивает: — Или всё это подготовлено, чтобы скрыть цех и заказчика.

— Тогда подготовлено человеком, способным изготовить двадцать бессмысленно дорогих вещей ради кражи осколка, который обвиняемый даже не спрятал, — отвечает Тея. — Ваша версия возможна, Лемм. Дешёвой она от этого не становится.

Вот, значит, Керт Лемм. Он смотрит на неё так, будто фамилия прозвучала обвинением.

Судья постукивает пальцем по столу. — У каждого предмета есть мастерская, у каждой мастерской — улица, у каждой улицы — слой. Если происхождение нельзя установить, вещь считается изъятой до решения Палаты. Человек вещь не считается, поэтому с вами труднее. Госпожа Марн назвала вас человеком без слоя. Для протокола это пока точнее рассказа о другой планете.

— Приятно получить местное гражданство так быстро.

— Вы его не получили, — сухо поправляет Тея.

— Тогда всё снова встало на место.

За незаконное проникновение ниже разрешённой отметки мне грозит заключение без названного срока. Керт требует взыскания и за подъёмник, но Тея заставляет его признать, что механизм заработал после изоляции осколка без ремонта. Спасение бригады заменяет камеру тридцатью сутками штрафного контракта: жить при участке, выходить с надзирателем, сдавать находки и не иметь права на самостоятельную запись.

— Последнее удобно, — говорю я. — Если я замечу, что вы ошиблись, ошибка останется вашей.

Тея медленно поворачивается ко мне. — Вы получили право потребовать остановку до моей проверки. Не право объявлять решение.

— Я именно это и рисовал.

— Вы нарисовали глаз, трещину и ладонь. Из этого можно составить не меньше восьми требований.

— Хорошо, что вы выбрали полезное.

Уголок её рта едва двигается, но Керт успевает заметить и мрачнеет ещё сильнее. Судья ударяет каменной плашкой о стол. Контракт вступает в силу. Один браслет с меня снимают, вместо него на левое запястье застёгивают железную пластину с тридцатью тёмными ячейками. Наручники остаются на правой руке, цепь теперь крепится к кольцу на поясе. Свобода здесь отмеряется не расстоянием, а длиной железа.

Сил подходит первым. — Слышишь? — Дождавшись кивка, предупреждает: — Внизу, если я сказал бежать, бежишь.

— Если я сказал не лезть под треснувшую арку, не лезешь.

— Я тебя из стены выну и обратно засуну.

— Сначала найдите стену, из которой я выпал.

Лот прыскает. Сил отвечает ему подзатыльник, не сводя с меня глаз, а затем вдруг протягивает руку. Яжимаю её осторожно: ладонь у старика сухая, в трещинах, хватка крепкая. Никакой дружбы. Устное приложение к договору.

— Мирт ногу сломал, — говорит он, кивнув в сторону лазарета. — У Вады кость цела, связки потянула. Оба живы. За это спорить с тобой начну завтра.

Мирт и Вада перестают быть количеством в протоколе, и от этого под рёбрами болит немного иначе.

Керт уводит свидетелей. Тея собирает снимки, но мою кисть оставляет на столе. Я протягиваю руку; цепь натягивается раньше, чем пальцы достигают дерева.

— Инструменты штрафного рабочего выдаёт двор, — говорит Керт, заметив движение. — Чужие вещи остаются уликами.

Тея вкладывает кисть мне в ладонь. — На щетине нет пыли осколка. Суд разрешил изъять связанные с находкой предметы; связи нет.

Керт наклоняется к ней. Голос становится тише, почти вежливым. — Инспектор, «Вертикаль» оплачивает расчистку этого двора. Если из-за вашего нового работника встанет ещё одна клеть, в отчёте будет не теория о человеке без слоя. Там будет ваша подпись.

— Моя подпись уже стоит на допуске двора, — отвечает Тея. — Поэтому вы сейчас отдадите ему кисть и перестанете заслонять мне свет.

Он отступает. Не проигрывает — откладывает разговор. Мне такие люди знакомы. Они не забывают обиду, если можно внести её в смету.

После смены колокола за перилами загорается новый ряд янтарных полос; город не становится светлее, просто тени переходят с яруса на ярус. Судья уехал, меня должны отвести к штрафной бригаде. Тея возвращает рулетку и карандаш, оставляет в ящике телефон, нож и аптечку, а осколок запирает в плоской коробке.

— На снимке есть свежая связь между осколком и вашей сумкой, — говорит она.

— Я видел его у пролома, но не брал. Значит, он попал туда сам, его положили, пока я вытаскивал людей, или ваш снимок показывает не то, что вы думаете.

— Удобно.

— Удобные версии портят раскоп быстрее лопаты.

Она хочет ответить, но я поднимаю ладонь. Не ради спора. Из камеры снова доносится сухой щелчок, теперь громче. Стражи оборачиваются на решётку и тут же успокаиваются: стена стоит, зелёная полоса на месте, над ней висит дощечка с датой проверки.

— Кто осматривал кладку? — спрашиваю я.

Тея смотрит на дощечку. — Я.

— Когда?

— Вчера утром, после первого толчка. Смещение в пределах допуска, швы сухие, опирание верхнего марша не нарушено.

— Тогда она была ровной?

— Что именно вы увидели?

Хороший вопрос: не кто дал мне право, а что именно я увидел. Рулетка не достаёт до стены, поэтому показываю рукой. — Краска шла по рейке, шов пола горизонтальный. В середине расстояние меньше, чем у краёв: стена вышла в коридор уже после проверки. В камере снизу влажная пыль, а поверхность сухая. Влага идёт с другой стороны.

Керт устало усмехается. — Он видел кладку через прутья десять минут и уже составил заключение.

— Нет, — отвечаю я. — Я составил причину проверить. Заключение пусть делает человек, чьё имя на дощечке.

Тея достаёт отвес и пропускает шнур через кольцо в потолочной балке. Керт напоминает о цене простоя, но нить уже показывает выпуклость: в середине камень ближе к ней на три с половиной пальца.

Она не ругается и не оправдывается. Снимает дощечку, переворачивает и пишет на обороте новое время. Затем прижимает ухо к кладке. Щелчок повторяется где-то глубже, за внешним рядом.

— Освободить галерею, — говорит Тея.

Керт качает головой. — Этот дом перекладывали четырежды. Здесь нет прямой стены от фундамента до крыши.

— Зато есть деформация после аварии. Освободить галерею и остановить клеть у нижнего тормоза. Людей дадите вы.

Керт отдаёт приказ. Люди собирают бумаги, гасят лампы и выносят коробки; судя по скорости, безопасные стены в Кайре проверяют часто и верят им недолго.

Под побелкой шов забит новым серым раствором. Влага выступает вдоль кирпича, а не сквозь него. — Состав для машинных фундаментов, — говорит Тея. — Быстро твердеет, держит вибрацию.

— И не выпускает воду. За стеной вы проверяли?

— По схеме там сухая засыпка. Разрушать стену без признаков аварии мне не разрешили.

— Теперь признак есть.

Керт возвращается как раз вовремя, чтобы услышать. — Теперь у неё есть человек, который хочет превратить трещину в профессию.

Я встаю медленно; перед глазами на миг плывёт глубина, отвес отодвигается дальше, чем стена. Тея замечает, придерживает меня за локоть и отпускает раньше, чем помощь успевает стать жестом сочувствия.

— Нужны стойки, — говорит она Керту. — Две короткие под верхний марш, четыре распорные рамы вдоль галереи. Позовите Края с бригадой.

— Контракт ещё не начался.

— Первая ячейка уже светится.

Я смотрю на пластину на запястье. Один из тридцати квадратиков действительно стал тускло-серым. Город умеет считать работу быстрее работодателя.

Сил возвращается с шестью людьми. Лот несёт два клина и старается выглядеть так, будто оказался здесь по приказу. Бригадир видит стену, мой браслет и кисть за поясом.

— Слышать научился — и сразу остановил двор, — говорит он. — Без языка ты был дешевле.

— Мне обещали работу под надзором. Надзор есть, работы пока мало.

— Сейчас будет.

Тея ставит короткие стойки под балки верхней галереи и велит собрать рамы вдоль стены. Сил проверяет каждую пятку. Мне поручают смотреть: правая рука прикована, бок болит, а после перевода зрение ещё ошибается на полшага. За двенадцать минут нить отвеса приближается к стене на толщину ногтя.

— Двигается, — говорю я. Тея проводит мелом вертикальную границу. — Снимать нагрузку сверху нельзя. Сначала удержим наружный ряд.

— Если за ним вода, рамы сложит, — отвечает он.

— Поэтому вскроем нижний шов и дадим ей выход.

Я качаю головой. — Не в центре выпуклости.

Тея поворачивается. — Почему?

— Если там засыпка, она пойдёт вместе с водой и выбьет кирпичи. Ищите край ремонта. Старый раствор слабее, зато за ним может сохраниться пустой шов или водосток.

— Вы не строитель.

— Нет. Я видел, как культурный слой течёт через отверстия. Сухой песок тоже умеет давить.

Сил хмыкает. — Человек без слоя рассказывает, как ведёт себя слой. Уже полезно.

Тея простукивает нижний ряд от центра к краю. Возле дверного косяка звук меняется: вместо плотного камня — неглубокая пустота. На схеме там должен быть заложённый проём.

— Тогда пустоты нет, — говорит Керт.

— Молоток с вами не согласен.

Сил велит людям отойти. Тея вставляет тонкое зубило в старый шов у самого пола и дважды ударяет. Известковый раствор крошится легко, не как серая заплатка. После третьего удара в отверстие уходит холодный воздух. Пламя ближайшей лампы склоняется к стене.

— Не вода, — говорит Лот за моим плечом.

— А ты где должен быть? — спрашивает Сил.

— С клиньями.

Парень показывает оба, зажатые под мышкой. Сил открывает рот, не находит подходящего обвинения и забирает один.

Тея расширяет отверстие до толщины пальца. Оттуда сыплется не песок, а мелкая красноватая крошка. Я растираю её на ладони. Обожжённая глина, угольные точки, крупинка синей глазури. Не засыпка из природного грунта. Разрушенная кладка или культурный слой, которым забили старое помещение.

— За стеной не пусто, — говорит Керт с заметным облегчением.

— За первым рядом, — отвечаю я. — Но крошка сухая. Влажный шов ниже, значит вода идёт по другой границе.

Тея берёт шуп и вводит его под углом вверх. Первые двадцать сантиметров он идёт с сопротивлением, затем проваливается почти на всю длину. Она поворачивает рукоять. Металл свободно описывает круг.

— Полость, — говорит она. — Не меньше локтя за завалом.

В этот момент зелёная полоса на стене лопается. Трещина проходит не по шву, а через кирпичи, быстро и почти без звука. Сил кричит людям держать рамы. Тея отступает, не выпуская шуп. Наружный ряд медленно наклоняется в коридор.

Я вижу, куда он пойдёт: левую часть удержит косяк, центр раскроется веером и потянет опору галереи. Под ней писарь уже наклонился за ящиком с судебными плашками.

— Брось! — кричу я.

Писарь замирает с ящиком в руках. Керт швыряет его к двери и падает следом. Первый кирпич бьёт в раму; Сил с рабочими удерживает поперечину, Тея тремя ударами загоняет клин в пятку стойки. Я цепью оттаскиваю лампу, пока масло не превратило проверку стены в пожар.

Кладка осыпается до высоты груди и застревает на рамах. Красная крошка за ней ползёт наружу; рабочие ставят доски щитом, оставив по приказу Теи узкую щель снизу. Сначала через неё течёт пыль, потом вода. Давление слабеет, стена останавливается.

Керт остаётся на полу, всё ещё держит писаря за ворот. Лот зажимает нос рукавом, но глаза у него сияют: в семнадцать лет любая авария, после которой стоишь на ногах, быстро становится приключением.

Сил отпускает раму и поворачивается ко мне. — А говорил, не строитель.

— Я не строил. Поэтому пока всё стоит.

Тея поднимает из-под кирпичей свою дощечку, стирает вчерашнее «безопасно» и пишет новое заключение. Не прячет отметку и не просит заменить лист. В человеке можно многое простить за способность исправлять запись при свидетелях.

— Галерея закрыта до разгрузки, — говорит она. — Верхний марш снять с опор, наружный ряд разобрать сверху. Керт, отправьте сообщение на остальные дворы: серый раствор на старой кладке проверить у всех закрытых водостоков.

— Вы собираетесь остановить три подъёмника из-за одного ремонта?

— Нет. Из-за одной ошибки, которую могли повторить трижды.

Керт поднимается, выбеленный пылью. — «Вертикаль» пришлёт свою бригаду. До их прибытия ничего не вынимать.

— Здесь и не вынимают, — отвечаю я. — Здесь сначала выясняют, что открыли.

— По вашему контракту вы выясняете только то, что вам велят.

Сил становится рядом, будто просто выбирает место поудобнее. Тея не повышает голоса: — По его контракту решение принимаю я. Сейчас я велю ему смотреть.

Керт уходит, но наручник с меня не снимают. Свободы не прибавилось. Зато появилась работа, а это опасная форма надежды: человек быстро считает клетку временной, если внутри дают инструмент.

Красную крошку убираем совками в пронумерованные мешки, снимая тонкими полосами и отмечая уголь, глазурь, старый раствор. Рабочие недовольны скоростью, но после стены спорят тише. Лот держит лампу и тянется к яркому черепку; я отвожу его руку кистью.

— Он всё равно битый.

— Зато лежал здесь не случайно. Если перепутаем мешок, запишем ошибку, а не сделаем вид, что так и было.

Лот смотрит на Тею. Она как раз перечёркивает старую строку в акте, не вырывая лист. Парень кивает, будто ответ получил не от меня.

За завалом проступает тёмная каменная перемычка. Вода шла по её краю и упиралась в серую ремонтную корку. На нижней стороне сохранились насечки. Тея берёт щётку, но Сил вручает мою кисть мне.

— Контракт, — объясняет он. — Пусть отрабатывает.

Ручка ложится в ладонь привычно. Обойма погнута, щетина топорщится, но движение помнит тело: не скрести, не сметать через край. Под налётом открывается клеймо размером с ладонь — две вложенные дуги, вертикальная риска и разрыв в нижней линии. Рядом четыре углубления, не похожие на цифры рабочих пластин.

Лот тянется ближе. — Это шестой?

Сил поворачивает свою пластину, сравнивает знаки. — Не наш.

— Чужой двор?

— Все дворы метят одинаково.

Тея листает книжку полевых меток: решётка, арка, колокол, колесо, половина маски, шестилучевой знак основания. Потом проверяет цеховые клейма. Нужного нет.

— Ремонт могли выполнить до общей описи, — говорит она, но уже не мне, а самой процедуре. — Или частный мастер поставил личное клеймо.

— Поверх клейма лежала разрушенная кладка, поверх неё — заложённая стена, — отвечаю я. — Личная метка моложе перемычки, но старше четырёх перестроек дома? Возможно. Только сначала запишите порядок.

Она поднимает взгляд. — Вы всегда разговариваете так, будто собеседник собирается подделать журнал?

— Нет. Иногда я успеваю убедиться.

Тея выдерживает паузу, затем протягивает книжку Лоту. — Держи открытой. Ничего не касайся.

Тея диктует писарю последовательность: тёмная перемычка, красная разрушенная кладка, известковая закладка, поздний серый ремонт. Сил ставит знак свидетеля. Мне подписываться нельзя; я только называю увиденное, и впервые за день этого достаточно.

Светлая сетка проступает перед глазами без предупреждения. Она обводит перемычку, клеймо, раскрытую книжку и свежие строки в журнале. Боль входит под правый глаз, глубина коридора складывается, но я не отворачиваюсь, пока последняя линия не замыкается на исправленной дощечке Теи.

ПОЛЕВОЙ КАТАЛОГ

Наблюдение принято: клеймо сохранено в контексте.

Совпадений в доступной описи: 0.

Гипотеза: не сформулирована.

Достоверность: недостаточно данных.

Окно гаснет. Я опираюсь ладонью о целую часть стены, пережидая тошноту. Тея спрашивает, что произошло; я пересказываю надпись дословно. Она не знает, что такое Полевой каталог, но слова «доступная опись» заставляют её закрыть книжку.

— У Палаты есть полная, — говорит она. — Эта карманная только для полевых меток.

— Тогда утром сравним с полной.

— Вы утром спускаетесь в Нижний двор. Контракт не даёт вам входа в Палату.

— А вам?

Тея смотрит на клеймо. За тёмной перемычкой щуп уходит в прохладную пустоту, откуда тянет воздухом другого помещения. Ниже вода вымывает из красной крошки тонкую дорожку

и уносит её к решётке. Путь пока закрыт, но стена уже перестала быть стеной; она превратилась в задачу, а задачи в этом городе, судя по людям с эмблемами, быстро получают хозяев.

— Мне дают вход, когда мой отчёт не мешает работе, — отвечает она наконец. Затем захлопывает книжку, приказывает Силу поставить у проёма двойную охранную метку и велит писарю сделать три копии сегодняшнего акта. Одну — суду, одну — Палате, одну — ей лично. Керт хотел получить рабочего под надзором и возобновить подъёмник до ночной смены. Вместо этого подъёмник остановлен, безопасная стена разобрана, а под ней найден проход, которого нет в полевой описи. Первая ячейка на моём браслете светится тускло и ровно. До конца контракта остаётся двадцать девять дней, но Тея уже смотрит на меня не как на обвиняемого и не как на спасённую судом странность. Скорее как на ещё одну неточность, которую нельзя оставить непроверенной.

Глава 3. Чужая яма

Спать мне выделяют в комнате над Нижним двором, где раньше, судя по закопчённым стенам и медному желобу вдоль пола, сушили канаты. Теперь здесь восемь коек, один рукомойник и столько сырости, что одеяло к утру приобретает собственный вес. На соседних местах ворочаются люди Сила; никто не задаёт вопросов человеку, который вчера вышел из стены, остановил подъёмник и лёг, не сняв ботинок. В приличном обществе это сочли бы деликатностью. Здесь просто берегут силы для тех вопросов, на которые можно получить оплату.

Первый колокол бьёт ещё в темноте. Я просыпаюсь не от звука, а от того, что все вокруг одновременно садятся. Левый бок за ночь налился тупой тяжестью, на правом предплечье расплылся синяк от древка кирки, запястье под железной пластиной зудит. Одна ячейка из тридцати светится серым, остальные черны. Срок умеет выглядеть особенно длинным, когда помещается на ладони.

Сил бросает мне свёрнутую куртку. Не мою — такую же серую, как у остальных, только без металлической пластины на ремне. На спине засохло тёмное пятно, рукав заштопан грубой нитью.

— Чья?

— Дворовая. Пока носишь — твоя. Умереть соберёшься, сначала сними.

— А если просто уйду?

Сил кивает на пластину у меня на руке. — Тогда куртка сама вернётся. С тобой или отдельно — смотря как далеко успеешь.

Лот свешивается с верхней койки, лохматый и уже полностью проснувшийся. Его ладони обмотаны чистыми полосами ткани после вчерашней решётки. Он успевает спросить, правда ли я прилетел с другой планеты, есть ли там подземные города и зачем землянам кисть, если они умеют делать такие застёжки. Сил стягивает его за лодыжку на пол и вручает два пустых ведра.

— Сначала узнаешь, есть ли у людей с другой планеты завтрак. Потом будешь мучить наукой.

Завтрак есть: серая каша, кислый хлеб и вода, пахнущая железом. Едим стоя возле лебёдочной будки. Над двором загораются янтарные полосы, из темноты проступают мостки, цепи и погребённые фасады; сначала слышны башмаки и кашель, затем скрипят клетки, и только потом появляются лица.

Тея приходит с двумя ящиками и писарем, которого Керт вчера вытащил из-под стены за ворот. Писарь поглядывает на меня без благодарности, но я его понимаю: человеку трудно чувствовать себя спасённым, если половина двора видела, как его швырнули на пол вместе с судебными плашками. За Теей несут камеру на треноге. На плече у неё висит кожаный тубус, в руке — вчерашняя книжка полевых меток.

— Боль при вдохе усилилась? — спрашивает она вместо приветствия.

— Нет. При движении усилилась, при кашле усилилась, при попытке надеть вашу куртку тоже. Вдох пока ведёт себя прилично.

Она касается двумя пальцами моего бока, не предупреждая. Я успеваю не согнуться, зато каша в миске идёт волной.

— Кость не двигается. Если станет трудно дышать, работа закончится.

— Моя или вообще?

— Ваша. Двор и без вас умеет создавать себе трудности.

Сил хмыкает в кружку. Тея замечает, но развивать успех не собирается. Она отдаёт писарю список, проверяет мою пластину и велит снять с пояса короткую цепь. Канальный

браслет остаётся на правой руке, однако свободный конец теперь защёлкивают не на кольцо, а на узкой кожаной петле: работать можно, бежать — глупо. Моей кисти среди инструментов нет.

— Она в ящике, — говорит Тея, проследив за взглядом. — Получите на участке.

— Чтобы не сбежала отдельно от куртки?

— Чтобы Керт не заявил, что вы подменили щетину за ночь.

За вчерашней стеной уже снят верхний марш галереи. Кирпич разбирали сверху, как приказала Тея; от безопасной полосы остался обломок зелёной краски на крайнем блоке. Проём закрывают доски с двумя печатями: её круглой и вытянутой, перечёркнутой вертикалью. Четверо рабочих вытаскивают стойки, ещё двое укладывают красную крошку во вчерашние мешки. У двери ждёт Керт Лемм в чистом тёмном пальто. Пыль обходит его с уважением, которого к людям он, судя по всему, не испытывает.

— Первый квадрат за вами до шестого колокола, — говорит он Тее. — После этого проход передаётся бригаде «Вертикали». Нераспознанное клеймо считается отметкой частного ремонта, пока Палата не решит иначе.

— Палата уже получила акт?

— Курьер ушёл ночью. Мне нужна кладка, а не спор о бумаге. За досками — заваленный подвал. Снимаете заполнение до основания стены, металл и светящийся камень отделяете, остальное — в отвал. Десять человек, половина смены.

— Я не специалист по скорости, — отвечаю я.

— Это заметно по тому, как вы разговариваете.

Сил тем временем осматривает мешки, пробует вес совка и коротко раздаёт людей. Двое снимают доски, Лот тащит лампы, остальные разворачивают у прохода три куса плотной ткани. На один кладут железо, на второй цветной камень, третий остаётся для всего, что приёмщик сочтёт достойным отдельной цены. Порядок у них есть. Просто не тот, который мне нужен.

Когда открывается проход, из него тянет сухим холодом. За тёмной перемычкой лежит помещение шириной шагов в пять; почти до пояса оно забито красноватой землёй, кирпичной крошкой и обломками штукатурки. Дальний угол уходит под тяжёлую стену из тёмного камня. На стене повторяется вчерашнее клеймо — две вложенные дуги, вертикальная риска, разорванная нижняя линия. Выше виден нарисованный мелом знак из шести лучей.

Тея замечает, куда я смотрю. — Слой Основания. Самая нижняя подтверждённая кладка Кайра.

— Подтверждённая чем?

— Описью Палаты, составом камня, положением под остальными уровнями.

— Положение мне нравится. Остальное пока принадлежит Палате.

Она ничего не отвечает, только передаёт писарю книжку. Сил заводит внутрь двух рабочих. Один сразу всаживает лопату у стены, второй просеивает поднятую землю пальцами и отбрасывает в корзину кусок керамики. Медный обломок он кладёт на ткань. Сил следит, чтобы корзины наполнялись ровно.

Я перехватываю следующую лопату за черенок.

Рабочий отпускает её не сразу. Он старше меня, широкоплечий, с обожжённой щекой и двумя пустыми заклёпками на пластине. Смотрит на Сила: бригадир здесь решает, кто имеет право мешать человеку зарабатывать.

— Убери руку, Корин, — говорит Сил.

— Он прорезал границу слоёв.

— Он наполнил четверть корзины.

— Вместе с верхним заполнением, штукатуркой от стены и тем, что лежало ниже. Через десять минут у вас будет три ткани с ценным мусором и одна большая куча без происхождения.

— Происхождение у неё простое: чужая яма. — Сил выдёргивает черенок из моей ладони и возвращает рабочему. — Копают «Вертикаль», забирает Палата, платят нам. Железо отдельно, медь отдельно, светящийся камень не трогать руками. Остальное никому не нужно.

Лопата снова входит в землю. Я ставлю ботинок на штык.

— Вчера никому не была нужна красная крошка. Пока за ней не нашли проход.

— Вчера за крошку не заплатили.

— А сегодня заплатят за то, что вы её не смешали?

Сил приближает лицо. От него пахнет кашей и дешёвым табаком. — Сегодня людям заплатят за десять корзин и всё, что приёмщик положит на весы. Если ты захочешь чесать каждый черепок своей кистью, они получают половину. Ты уйдёшь через двадцать девять дней, а им здесь есть и после этого.

Вот причина, которую неудобно презирать. Правильная методика хорошо выглядит в отчёте, когда отчёт не отнимает ужин. Я убираю ногу с лопаты, но в сторону не отхожу.

— Дайте мне один кусок. Два шага на два. До второго колокола.

— Чтобы доказать, что медленно копать можно долго?

— Чтобы посчитать всё, за что вам не платят, потому что вы не можете показать, откуда это взяли.

Керт смеётся первым. — Госпожа Марн, ваш штрафник просит собственный раскоп.

— Не собственный. — Я смотрю на Тею. — Под её надзором. Камеру ведёт она, записи делает ваш писарь, люди остаются Сила. Если к колоколу квадрат даст меньше принятого материала, недостачу запишете на мою ячейку.

— На ячейках нет денег, — говорит Тея.

— Тогда на мою спину. Здесь это, кажется, универсальная валюта.

Обожжённый рабочий усмехается. Сил — нет. Он считает в уме время, корзины и пайки. Тея проходит внутрь, не наступая на вскрытую полосу, прикладывает рейку к основанию стены, затем измеряет ширину помещения и глубину заполнения. Керт начинает напоминать про шестой колокол, но она поднимает карандаш, заставляя его подождать.

— Один квадрат до второго колокола, — решает Тея. — Если метод не даст проверяемой описи, снимаем заполнение по правилам двора. Если даст — я определяю, стоит ли продолжать. Господин Лемм получает копию снимков, но не вмешивается в порядок работ.

— «Вертикаль» оплачивает людей.

— А моя подпись отвечает за то, что они не выкопают опору вместе с металлом.

Сил сплёвывает пылинку, попавшую на язык, и кивает обожжённому рабочему выйти. — Один квадрат, Корин. И если мои люди из-за тебя останутся без смены, будешь объяснять им сам. Без Теи, суда и красивых рисунков.

— Договорились.

Мне выдают кисть. Погнутая обойма за ночь не выпрямилась, но дерево тёплое от ладони Теи. Я провожу большим пальцем по старой царапине на рукояти и впервые после падения чувствую не облегчение, а работу. Она, в отличие от надежды, не обещает ничего. Просто требует начать с края.

Начать мешает то, что у меня нет ни колышков, ни бечёвки, ни табличек, ни права писать в местном журнале. Сил приносит обрезки канатной пряжи, Тея выдаёт восемь съёмочных штырей, Лот находит рейку с насечками через ладонь.

— Два шага на два, — напоминает Сил. — Ты обещал кусок, а не новый город.

— Кусок без привязки снова станет кучей. Мне нужен постоянный угол.

Точку беру не на дверном косяке, который мог двигаться вместе со стеной, а на выбоине в тёмной перемычке. Вторую Тея переносит отвесом на пол и проверяет расстояние своей складной линейкой. Это её работа; я только объясняю, что мне нужно.

— Если перемычку разберут, ваша привязка исчезнет, — говорит она.

— Тогда перед разборкой её перенесут на две другие точки. Если забудут — квадрат снова станет чужой ямой.

Рабочие натягивают шнур вдоль стены и поперёк прохода. Один штырь качается в рыхлом шве; Сил молча переставляет его и забивает деревянный клин. Лот предлагает держать угол руками. Я показываю на его повязки.

— Твои пальцы в опись не входят.

— А если не шевелиться?

— Тогда к третьему колоколу тебя придётся зарисовать на плане.

Квадрат делим крестом на четыре части. Букв местного письма я не знаю, а мои знаки писарь не прочтёт, поэтому на обломках черепицы оставляю от одной до четырёх насечек. Тея рядом наносит кайрские числа.

— Речь вы понимаете, — замечает она. — Письмо нет.

— Каталог обещал соответствие речи. Про чтение мелким шрифтом ничего не было.

— В договоре нет мелкого шрифта.

— Потому что я всё равно не замечу разницы.

Тея просит писаря принести старую учётную книгу, наполовину занятую перечнями канатов, масла и рукавиц. На первом чистом развороте ставит печать.

— Самостоятельная запись вам запрещена, — говорит она, отдавая книгу мне.

— Я помню.

— Поэтому вы записываете наблюдения на своём языке, я проверяю положение и цифры, писарь переносит содержание на кайрский. Ничего не вырывать. Ошибку перечёркивать один раз, чтобы прежний текст читался.

— Это я тоже помню.

На первой странице я пишу дату вопросительным знаком. Земные часы умерли в пещере, местный календарь мне пока не объяснили, а придумывать число только ради красивой шапки — привычка, из которой потом растут плохие отчёты. Ниже: «Нижний двор. Помещение за заложённой стеной. Квадрат 1». Рисую перемычку, косяк, границы шнура и стрелку не на север, которого здесь никто не видел, а к подъёмной шахте. Тея проверяет стрелку, уточняет расстояние до первой стойки и велит писарю повторить схему на металлической пластине для снимка.

Тея ставит лампы так, чтобы тени от шнура не закрывали землю. На край квадрата кладём рейку, номер и стрелку к шахте. Керт смотрит на часы, Сил — на людей, которые стоят и не наполняют корзины.

— Снимок до работы, — говорю я.

— Там земля, — отвечает обожжённый рабочий. Его зовут Гир; имя я узнаю, когда писарь заносит состав бригады. — После работы тоже будет земля, только ниже.

— Если между двумя землями найдётся что-то важное, мы увидим, где оно лежало.

— Если найдётся медь, я и без снимка увижу.

— А если рядом с ней будет дерево, которое сгниёт на воздухе?

Гир пожимает плечами. — Тогда приёмщик скажет, что дерева не было.

Тея поворачивает рукоять камеры. Сухой разряд заставляет всех моргнуть. На тонкой пластине проступает серое изображение, по шнурам бегут слабые янтарные линии. Она подписывает номер квадрата и время, затем кивает начинать.

Лопаты я всё-таки разрешаю, но только в верхней рыхлой части, где вчера уже нарушили край. Гир снимает грунт тонкими горизонтальными полосами, второй рабочий подхватывает совком. Я стою рядом и каждый раз останавливаю их, когда меняется цвет или состав. Сначала идёт красная крошка с белой известью. Ниже появляется больше угля и мелких костей, затем попадают комочки рыжей глины, обожжённые только с одной стороны. Не кладка — мусор после пожара, которым заполняли помещение.

— Всё в одну корзину, — распоряжается Сил. — Слой один.

— Цвет сменился.

— Цвет не платит.

— Зато показывает, что нижнее заполнение принесли из другого места или в другое время.

— И сколько корзин это покажет моим людям вечером?

До второго колокола остаётся меньше часа. Наш квадрат дал одну корзину, соседняя полоса, где копают по старому порядку, — уже три. Обещание начинает выглядеть хуже сетки, которую приходится поправлять после каждого неосторожного сапога.

Я достаю из верхней корзины кусок обмазки. На одной стороне отпечатались плетёная лоза, на другой осталась копать. Не ценность, не редкость, в музей за ней очередь не выстроится. Но она была частью лёгкой перегородки, сгорела и попала сюда вместе с домашним мусором. Красное заполнение за стеной не возникло при обвале; им намеренно забили уже ненужную комнату.

— Отдельный мешок, — говорю я.

Гир смотрит на Сила. Тот молчит, поэтому рабочий нехотя разворачивает холщовый мешок. Лот ставит на него черепицу с одной насечкой, затем тянется забрать номер, когда переходим ниже.

— Оставь. Номер квадрата тот же, меняется слой.

— Тогда как различить?

Я рисую на второй черепице полосу угля. Лот понимает, добавляет к местной единице короткую чёрную черту и закрепляет бирку шнуром. Через минуту делает третью сам — красный мазок глины и две черты. Ничего сложного. Именно поэтому особенно обидно, сколько вещей обычно теряется из-за того, что никто не потратил минуту.

На глубине в ладонь кисть задевает твёрдый круглый предмет. Из земли торчит зелёный край, рядом тянется чёрная полоса истлевшей ткани. Лот приседает прежде, чем я успеваю поднять руку.

— Не трогай.

— Я только посмотрю.

— Тогда смотри руками за спиной.

Лот сцепляет перевязанные ладони за спиной. Керт оказывается рядом раньше Сила, приседает и захватывает зелёный край щипцами. Я беру его за запястье. После вчерашнего это плохая привычка; свободная рука Керта уже ложится на кобуру.

— Уберите руку, штрафник.

— Сначала щипцы.

— Металл сдаётся немедленно.

— Рядом ткань. Вы вытащите пуговицу, ткань рассыплется, а в описи останется медный кружок неизвестно от чего.

— От одежды.

— От сумки, ремня, занавеси. Если уже знаете, зачем вам раскоп?

Керт раскрывает щипцы. Тея делает снимок, измеряет положение от двух шнуров, после чего мы подводим под комок жестяную пластинку и снимаем пуговицу вместе с тканью. В коробку она попадает через семь минут — с номером и вещью, от которой иначе остался бы только медный кружок. Гир продолжает без приказа и останавливается, когда под красной крошкой проступает тонкий серый слой с осколками раздавленного на месте сосуда.

До второго колокола мы наполняем всего две корзины. Зато на ткани возле камеры стоят шесть пронумерованных мешков и коробка. В них нет ничего, что Керт захотел бы носить в кармане: обмазка, уголь, кости мелкого животного, ржавые гвозди, разбитый горшок, пуговица

с истлевшей тканью. Сил пересчитывает тару, щупает вес каждого мешка и мрачнеет. Красивой победы не получилось. Получилась обычная работа, которая пока стоит дороже добычи.

Раздаётся второй колокол. Гир сразу кладёт совок. На соседней полосе возвышается пять корзин смешанной земли и кучка металла размером с две ладони.

— Всё, — говорит Сил. — Договор был до колокола.

Я распрямляюсь. Бок тянет, ноги затекли, в глазах от ламп плавают тёмные пятна. Возразить нечем: по скорости я проиграл больше чем вдвое.

Тея тем временем раскладывает снимки один за другим. Первый — пустая поверхность. Второй — пуговица и ткань. Третий — граница серого слоя. Затем ставит перед собой мешки и сверяет номера с записями писаря. У пятого мешка останавливается.

— Здесь три фрагмента одного сосуда, — говорит она. — На снимке их четыре.

Гир ругается, опускается на колени и начинает искать. Сил хватается за плечо.

— Не топчи квадрат.

Ещё вчера он сам велел бы перевернуть землю лопатой. Сейчас произносит слова зло, словно это я подложил их ему на язык.

Лот берёт пустую коробочку, подносит к корзине с верхним заполнением и трясёт. На дне сухо цокает керамика. Четвёртый осколок уехал вместе с землёй, потому что совок вышел за границу серой полосы. Мелочь, каких в любом отвале тысячи. Но снимок поймал потерю, а журнал показал, где искать.

Тея кладёт фрагмент к остальным. Края сходятся. Сил смотрит на соседние пять корзин, где медь отделена, а всё прочее уже смешано, и медленно проводит ладонью по седым волосам.

— До третьего колокола, — говорит он. — Один квадрат. Если начнёшь фотографировать каждую пылинку, я тебя сам положу рядом с рейкой для масштаба.

Керт открывает рот, но Тея ставит на журнал вторую печать.

— Метод продлён, — говорит она. — Основание: проверяемая полнота описи.

Сил усмехается без радости. — Поздравляю, Корин. Ты выиграл ещё два часа в чужой яме.

— У археолога других призов почти не бывает.

Лот поднимает из пыли черепицу с номером, бережно вытирает её рукавом и кладёт точно к краю квадрата. Уже не потому, что я велел.

К третьему колоколу руки у всех красные от глины, зато порядок уже работает: Гир снимает слой, второй человек носит землю, Лот меняет бирки, писарь ведёт опись, Тея — пластины и измерения. Я слежу за границами и стараюсь не делать всё остальное. Когда провисает шнур, хочется переставить штырь; когда Тея проверяет высоту, подсказать место для рейки. Приходится помнить: один человек не может одновременно копать, снимать и видеть весь участок. В пещере я тоже был прав насчёт распорки — и всё равно оказался под плитой один.

Сил замечает, что я перестал ворчать, и настораживается.

— Устал?

— Думаю.

— Лучше устань. От мыслей начальства люди чаще остаются без пальцев.

Он суёт мне хлеб с солёным салом и присаживается на балку. На соседней полосе металл уже унесли к весам, а двое рабочих сидят без дела перед кладкой, которую Керт запретил трогать. Наш квадрат всё ещё даёт работу.

— Если приёмщик не примет эти мешки, — говорит Сил, кивнув на обмазку и кости, — я продам ему твою куртку.

— Она дворовая.

— Поэтому цену не жалко.

— А если примет?

— Тогда завтра сделаешь четыре квадрата. Людей у меня десять, а тебя одного не хватит.

— Мне и сегодня меня не хватает.

После этого Гир сам просит второй шнур для соседней полосы. Не сетку — только границу между заполнениями. В чужой яме метод распространяется не убеждением, а страхом потерять целый горшок в общей корзине.

Ниже серой прослойки грунт снова краснеет, но теперь в нём нет угля. Он плотный, с мелкой известковой крошкой и редкими раковинами. Тея растирает щепотку между пальцами, просит снять крупный план и записывает, что слой мог быть строительной подсыпкой. Я добавляю в журнал знак вопроса. «Мог быть» — хорошая формулировка. Она не стыдится незаконченности.

У основания тёмной стены появляется край плоской плиты. Шнур проходит над ней наискось, и Гир предлагает вынуть плиту целиком: подцепить ломом, освободить сразу половину квадрата. Сил уже оценивает, куда поставить людей, но я чищу стык кистью. Плита уходит под нижний камень стены. Это не мусор, а постель, на которой стоит фундамент. Вытащим — и получим быстрый ответ на вопрос, умеет ли Слой Основания падать.

— Не трогаем, — говорит Тея раньше меня. Она опускает отвес и проверяет положение шва. — Расчищаем край, нагрузку не снимаем.

Сил показывает ладонью, что услышал. Ни спора, ни взгляда в мою сторону. Доверие до нас ещё не дошло, но порядок команд уже появился.

Гир меняет совок на деревянную лопаточку. Плотный грунт приходится снимать тонкими стружками. В нём попадают два железных гвоздя, кусок синей глазури и маленькая костяная пластинка с круглым отверстием. Каждый предмет остаётся на месте до снимка. Лот уже не лезет руками; он угадывает, какая понадобится бирка, и кладёт её за шнуром. Только один раз ошибается слоем, сам замечает и перечёркивает знак, не переворачивая черепицу чистой стороной.

— Испорчена, — говорит писарь.

— Исправлена, — отвечает Лот, подражая интонации Теи.

Она поднимает бровь. Сил прячет улыбку, наклоняясь к мешку.

До нижней плиты остаётся толщина пальца, когда из грунта показывается круглая зелёная кромка. Я сначала принимаю её за вторую пуговицу. Потом вижу правильную окружность, ровный ободок и крошечные насечки по краю.

— Стоп.

На этот раз никто не спрашивает зачем. Гир отнимает лопаточку, Лот зовёт Тею, писарь готовит новую строку. Даже Керт, вернувшийся с приёмщиком, останавливается за шнуром и не достаёт щипцы.

Предмет лежит плашмя, почти касаясь плиты; дальний край уходит под нижний камень стены. Над ним нет рыхлой норы, корней или трещины. Плотная красная подсыпка продолжается со всех сторон, а тонкая корка извести соединяет её с постелью фундамента. Если монета провалилась сюда позже, след должен быть. Я его не вижу. Это не значит, что его нет.

Тея снимает общий план, затем просит меня расчистить круг на ширину ладони. Кисть идёт медленно. Зелёный налёт остаётся на грунте тонким венчиком. Под монетой обнаруживается тёмное пятно, но не пустота — металл окрасил землю. Я зарисовываю положение, отмечая нижнюю плиту, известковую корку и оба гвоздя. Только после этого Тея подводит под край узкую лопаточку и поднимает находку вместе с комком грунта.

Монета бронзовая, чуть меньше земного рубля. На одной стороне башня с зубчатым колесом вместо солнца, на другой — три короткие линии и отверстие в центре, пробитое после чеканки. Края одинаковой толщины, насечки ровные. Не ручное литьё.

Тея вытирает не поверхность, а только маленький участок обода. Её ноготь замирает.
— Что?

Она поворачивает монету к свету. — Дворовая чеканка Слая Меди. Такие метки ввели после объединения мастерских.

— Насколько после основания этой стены?

— По принятой хронологии — примерно через восемь столетий.

Лот присвистывает. Писарь перестаёт писать. Сил переводит взгляд с монеты на тёмную стену, затем на шесть меловых лучей над ней.

Керт первым возвращает лицу скуку. — Рабочий потерял мелочь при позднем ремонте.

— Возможная версия, — говорю я.

— Тогда запишите её и продолжайте.

— Какую часть? Про потерял или про ремонт?

Он щурится. — Монета моложе стены. Значит, попала под неё позже.

— Или стена моложе, чем написано. Или нижнюю часть перекладывали. Или монету повторно использовали как подвеску — отверстие есть. Или мы не заметили ход, трещину, строительный шов. Пока у нас один предмет и пять способов ошибиться.

— Вы только что спорили, что грунт целый.

— Я сказал, что не вижу нарушения. Если хочу быть правым любой ценой, этого достаточно. Если хочу понять, придётся проверить весь край плиты.

Тея смотрит на срез. — И вторую половину стены.

— И соседний квадрат. Одна монета меняет дату только в газетах.

Приёмщик за спиной Керта держит складные весы и пачку жёлтых квитанций. Он просит опись, почти не заинтересовавшись монетой. Русских слов в моём журнале не понимает, зато планы, цифры и исправления читает без перевода.

— Квадрат закрыт? — спрашивает он.

— До основания стены — да, — отвечает Тея. — Четверть у стены оставлена для проверки подсыпки, отмечена на плане. Все изъятые предметы привязаны к снимкам.

— Потери?

— Один фрагмент ушёл в корзину и возвращён до смешения. Записано.

Приёмщик находит перечёркнутый номер и начинает считать не только металл: взвешивает обмазку, сверяет число гвоздей, складывает четыре осколка горшка. За каждый мешок ставит на листе знак.

Керт теряет терпение. — Это строительное заполнение. За него нет премии.

— За отдельные предметы нет, — соглашается приёмщик. — За полностью принятый участок полагается сменная доля. Если опись сойдётся со складом.

— Половина дня потрачена на один квадрат.

— В квитанции нет графы «раздражение заказчика».

Тея знала о правиле — возможно, поэтому дала мне время. Сил тоже знал, но при дворе в порядке всё неценное уходило в отвал раньше, чем появлялся приёмщик.

— Если склад найдёт недостачу, долю снимут завтра, — предупреждает тот.

— Не найдёт, — говорит Лот.

Сил берёт его за ворот и отодвигает от квитанций. — Молчать научись раньше, чем отвечать за чужие мешки.

Приёмщик отрывает десять полосок и пробивает на каждой полный ряд отверстий. Гир рассматривает свою на свет. На соседнем участке металла нашли больше, а квитанции вышли неполными: смешанное заполнение склад не обязан разбирать.

Сил подходит ко мне последним с полным талоном. Благодарить он не собирается, и правильно: я поставил под риск его заработок, а окупился только к концу смены.

— Завтра четыре квадрата, — говорит он.

- Завтра сначала проверим, где продолжалась подсыпка.
- Четыре квадрата с подсыпкой.
- И две камеры. И больше бирок.
- Бирки вырежет Лот.

Парень кивает. Сил велит сначала отнести мешки и не потерять номера. Рабочие смеются. Не надо мной и не вместе со мной — где-то рядом. Для первой смены достаточно.

Монету Тея укладывает в маленькую жестяную коробку вместе с неочищенным грунтом. Писарь ставит печать на крышке, Сил — знак свидетеля. Керт требует отправить находку в Палату с остальными предметами, но Тея отделяет две фотографические пластины и одну вкладывает в свой тубус.

— Оригинал уйдёт по закону, — говорит она. — Изображение и полевой журнал останутся на участке до проверки соседнего квадрата.

— Ваш журнал?

— Наш, — отвечает Тея и протягивает толстую книгу мне. — Он прикреплён к штрафному контракту. Вынести за пределы двора нельзя.

Книга тяжёлая, пахнет маслом, плесенью и старой бумагой. На первых страницах записано, сколько рукавиц съели прежние смены и куда делись два мотка каната. Достойное начало для документа, который ещё может испортить удобную хронологию.

После последнего колокола Нижний двор меняет работу. Дневные клетки уходят вверх, ночные спускают балки и уголь. Сил делит людей на завтрашние четвёрки, Гир точит деревянные лопаточки. Я остаюсь у лебёдочной будки: журнал нельзя унести, а незаконченная запись действует хуже боли в боку.

Тея переводит мои заметки для полевой описи. Между нами лежит снимок: тёмная стена, нижняя плита, круг монеты и две линии шнура. При боковом свете известковая корка над находкой выглядит непрерывной.

— Если это поздняя подкладка под старую стену, должен быть край ремонтного вмешательства, — говорю я. — Если монета попала через трещину, увидим канал. Если её положили при строительстве, неверна либо дата монеты, либо дата стены.

— Четвёртая версия: предмет подбросили сегодня.

— Все, кто входил в квадрат, есть на снимках. Но да, запишите. Обидно станет, если вы перестанете проверять.

Она закрывает чернильницу и разминает пальцы. На среднем осталась красная полоса от шнура. — Керт уже отправил в Палату сообщение, что чужак нашёл невозможную монету под Слоем Основания.

— Я не говорил «невозможную».

— Поэтому следом ушла копия вашей записи. Я добавила шестую версию: ошибку определения монеты.

— Хорошая версия.

— Мне она не нравится.

— Поэтому хорошая.

За стеной будки проходит клеть, стол дрожит. На снимке огни вдоль шнуров отвечают слабой янтарной полосой. Я сначала думаю, что свет отразился от лампы, но линия поворачивает к журналу, охватывает мой рисунок и замыкается на фразе, которую Тея только что перевела: «официальная последовательность требует проверки».

Сетка возникает перед глазами резко. Ближний край стола проваливается вниз, дальний наклоняется ко мне. Я сжимаю сиденье здоровой рукой и жду, пока буквы соберутся в окно.

ПОЛЕВОЙ КАТАЛОГ

Наблюдение принято: предмет сохранён в контексте.

Доступна регистрация гипотезы: официальная последовательность нарушена.

Основание: 1 независимый признак.

Достоверность при регистрации: низкая.

Подтвердить?

Ответ уже сформулирован моими словами. Каталог ничего не объясняет и не показывает прошлое; он предлагает поставить печать на том, что очень хочется считать правдой. Одной монеты достаточно для газетной сенсации, служебного скандала и моего тщеславия. Для хронологии — нет.

— Нет, — говорю я.

Тея замирает с карандашом. — Что вы видите?

Я читаю окно дословно. На последней строке свет держится, словно система ждёт, когда осторожность устанет. Я повторяю отказ. Буквы гаснут, глубина возвращается не сразу; снимок ещё несколько секунд кажется лежащим под столом.

— Каталог согласился с вашей версией, — говорит Тея.

— Он согласился, что я могу её зарегистрировать.

— Разница невелика.

— В ней обычно помещается вся ошибка.

Она смотрит на запечатанную копию снимка, которую утром отправят вслед за монетой. Потом перечёркивает в своей строке слово «нарушена» и пишет рядом: «проверяется». Старое слово остаётся читаемым.

В сушильной комнате Лот спорит, что четыре квадрата требуют шестнадцати биров, Сил требует сделать двадцать и впервые за день никто не обсуждает, стоит ли вообще размечать яму. Завтра мы откроем соседний участок и проверим край подсыпки. Возможно, монета провалилась в трещину. Возможно, стену подвели позже. Возможно, Палата ошиблась честно — такое тоже бывает, хотя реже, чем любит утверждать Палата.

Я закрываю журнал только после того, как записываю все версии. На обложке остаётся красный след от пальцев, между страницами — копия плана, а первая гипотеза, которую мне предложил новый мир, так и не получает подтверждения. Пока у неё есть одна улика и слишком удобный ответ. Значит, завтра придётся искать вторую.

Глава 4. Находка без цены

Двадцать бирок Лот вырезает ещё до первого колокола и раскладывает на перевёрнутой корзине так торжественно, будто перед ним не черепки с насечками, а жалование за месяц. Вчера он клялся, что шестнадцати хватит на четыре квадрата; сегодня принёс двадцать три, потому что Сил велел сделать двадцать, а останавливаться на ровном числе парень, видимо, считает дурной приметой. На трёх последних бирках насечки идут вкривь и вкось. Я молча переворачиваю их чистой стороной, кладу рядом с остальными и натягиваю первый шнур от выбоины в тёмной перемычке.

— Испорчены? — спрашивает Лот.

— Пока нет. На них ещё ничего не записали.

Он ухмыляется и садится на корточки, придерживая катушку коленом. Повязки с ладоней сняты, но поперёк правой тянется свежая красная полоса. Кисть он держать не просит — после вчерашнего понял разницу между инструментом и наградой. Зато каждый раз, когда шнур провисает, успевает посмотреть на меня раньше, чем Сил замечает. Люди быстро усваивают порядок, если однажды получили за него полный талон.

На пластине штрафного контракта сереют уже две ячейки. Двадцать восемь остаются тёмными. Правый наручник Тея снова закрепляет на кожаной петле у пояса, проверяет защёлку и отдаёт мне журнал. За ночь его не пытались подменить, только вложили между страницами копию вчерашнего снимка и тонкую бумагу с печатью Палаты. Я читать её не могу, но по выражению Сила вижу: хороших новостей там меньше, чем воска.

— Монету признали монетой, — говорит Тея, устанавливая складную рейку у края первого квадрата. — Чеканка Слоя Меди, датировка предварительно подтверждена. Положение находки Палата объясняет поздним вмешательством, не отражённым в старой описи.

— Как удобно, что неотражённое вмешательство не обязано оставлять следов.

— Обязано. Поэтому нам разрешено проверить ещё три квадрата вдоль фундамента.

Сил пересчитывает людей и хмурится. — Вчера говорили четыре.

— Первый уже открыт. Три новых.

— Вчерашнюю яму мы утром дочищать будем или словами закопаем?

Тея проводит ногтем по нижней строке распоряжения. — До третьего колокола участок должен быть передан «Вертикали». Драгоценный металл и светящийся камень изымаются сразу. Остальное — после полевой фиксации, если она не мешает сроку.

— Значит, мешает, — заключает Сил. — У срока есть Керт, у фиксации только Корин с больным боком.

— У фиксации две камеры, — напоминаю я.

Тея кивает на ящики у стены. Вторую она всё-таки достала, старую, с потёртой рукояткой и латунной заплатой на корпусе. Гир уже делит людей на две пары: одна снимает верхнее заполнение, вторая просеивает землю и меняет мешки. Вчера ему требовался приказ, чтобы остановить совок у границы цвета. Сегодня он ругает молодого рабочего за то, что тот поставил ботинок внутрь шнура. Сил слышит, но не вмешивается. Если полезная привычка заводится сама, бригадир не обязан признавать, откуда она взялась.

Керт появляется, когда первый снимок уже проявлен. Он спускается в помещение без пальто, в короткой тёмной куртке и высоких сапогах, за ним идут двое людей «Вертикали» с ломом и пустым железным ящиком. На крышке три отделения: для металла, камня и всего, что начальник не сумел сразу оценить, но не хочет оставлять другим.

— К третьему колоколу стена должна быть доступна по всей длине, — говорит Керт. — Госпожа Марн получила распоряжение.

— Получила, — отвечает Тея. Она не отрывается от уровня, пока пузырёк не останавливается. — А вы получили его копию. Там есть строка о безопасности.

— Там каждая строка о безопасности. Иначе Палата не умеет писать.

— Поэтому город до сих пор не провалился целиком.

Керт бросает на меня взгляд, задерживается на журнале и отходит за шнур. Вчерашняя монета ему неприятна не ценой и не возрастом. Она заставила бумагу ждать землю, а он привык к обратному.

Мы начинаем с края плотной подсыпки, которую оставили нетронутой. Известковая корка тянется под фундаментом в соседний квадрат без разрыва. Трещины нет. Норы нет. Серый шов позднего ремонта тоже не появляется. Если монета попала сюда сверху, путь пока умеет скрываться лучше любого вора.

Гир снимает грунт деревянной лопаточкой, Лот меняет бирки, Тея переносит отметки на план. Я успеваю следить не за каждым движением, а за тем, что меняется. После вчерашней путаницы это почти роскошь. Красная подсыпка уплотняется у стены, раковин становится меньше, известковой крошки — больше. Через пол-локтя лопаточка Гира звякает о камень.

— Плита, — говорит он и убирает руку.

Камень лежит не горизонтально, как постель под фундаментом, а под небольшим углом к ней. Мы открываем полосу шириной в два пальца: гладкий край, затем прямой поворот. Ещё один угол проступает у поперечного шнура. Получается узкий прямоугольник, длинной стороной прижатый к стене.

Сил приседает у края. — Крышка.

— Или облицовка канала, — говорит Тея.

— Каналы не делают с таким бортиком, — отвечаю я. — Хотя местные каналы я видел ровно один раз, и тот пытался снести стену.

Керт велит одному из своих людей взять лом. Я кладу кисть поперёк каменного края прежде, чем железо успеет коснуться щели.

— Сначала найдём границу врезки.

— Мы нашли крышку, — говорит Керт. — Под ней либо погребение, либо тайник. В обоих случаях край уже перед вами.

— Перед нами край камня. Я хочу знать, во что его положили и что он держит.

— До третьего колокола хотите?

— Особенно до третьего. После него отвечать за эту яму будете вы.

Сил кашляет в кулак. Не смеётся — просто сообщает потолок, что разговор услышал. Тея переставляет лампу и делает снимок. Лом остаётся у человека «Вертикали» в руке, но опускается на пол.

Врезка находится на расстоянии ладони от плиты. Плотную подсыпку когда-то прорезали почти отвесно, поставили внутрь каменный ящик и забили щель более тёмной землёй. В ней попадаются крошечные кусочки угля и одна белая бусина. Верхний край врезки упирается в нижнюю постель фундамента. Значит, ящик появился либо раньше стены, либо одновременно с ней. Для позднего ремонта снова не хватает следа, но я записываю только наблюдение. Вчерашней монете от моего нетерпения старше не стать.

Когда крышку освобождаем по трём сторонам, Тея разрешает поднять ближний угол на два пальца. Под него входят деревянные клинья, затем ещё два. Сил ставит людей по краям, не позволяя никому наваливаться на плиту. Из щели выходит сухой воздух с запахом пыли и старого масла. Не тлен. Всё органическое здесь давно выдохлось.

Лампа на тонкой ручке показывает внутри человеческий череп, тёмную ткань и сложенные на груди руки. Кости лежат сочленённо, пальцы не рассыпаны. У правого запястья блестит жёлтый металл.

Лот втягивает воздух. Керт произносит короткое «наконец», и люди «Вертикали» сразу придвигают железный ящик.

— Погребение, — говорит Тея. — До полного снимка никто не касается содержимого.

— Драгоценный металл изымается сразу, — напоминает Керт. — Ваша же бумага.

Сил заглядывает в щель и проводит большим пальцем по краю своего талона, будто золото уже стало дырками в картоне. За металл в закрытом погребении платят отдельную премию. После вчерашнего полного расчёта люди ждали, что порядок не только сохранит черепки, но и принесёт деньги. Теперь я собираюсь объяснить им, почему жёлтый блеск лучше оставить в земле. Археология редко выбирает удачное время, чтобы потребовать принципов.

Мы поднимаем крышку выше, переставляя клинья попарно, и заводим под неё две поперечные доски. Каменный ящик уходит под фундамент глубже, чем ожидалось. Покойник лежит головой к стене, лицом вверх; на ткани возле плеча сохранились три круглые застёжки, у ступней стоит раздавленный сосуд. Золотая полоса видна теперь целиком, только это не браслет на руке. Кости запястья лежат в стороне. Замкнутая лента охватывает выступ тёмного камня у изголовья и проходит через две просверленные петли в боковой плите.

— Украшение съехало после истлевания тканей, — говорит Керт.

— Тогда оно очень удачно проделось через камень, — отвечаю я.

— Похоронный крепёж. Золото всё равно вынимается.

Гир протягивает мне узкую щётку. Я чищу только край ленты и ближайшую петлю. На камне открывается дугообразная потёртость. Не скол от падения, а гладкая дорожка, оставленная повторным движением. На золоте напротив неё — тонкие поперечные царапины. Лента здесь поворачивалась много раз.

— Она работала, — говорю я.

— Золото слишком мягкое для крепежа, — отзывается Тея. Она уже лежит на боку у щели и смотрит внутрь через маленькое съёмочное зеркало. — Но лента не несёт плиту. Она удерживает каменный палец в пазу.

— Значит, замок, — говорит Лот.

Керт смотрит на него. — Значит, мальчик снова услышал взрослые слова.

Лот собирается ответить, но Сил прижимает ладонь к его затылку и разворачивает к биркам. Сам остаётся у ящика.

— Если это замок, что он запирает? — спрашивает бригадир.

Я прослеживаю линию боковой плиты. Она не заканчивается у ног покойника, а уходит под дальнюю стенку погребения. Между ней и нижней постелью фундамента есть ровный шов, забитый белой пылью. — Пока не знаю. Сам ящик, плиту рядом, что-то под ними. Сначала нужен полный край.

— Полный край не платит премию.

— Провал тоже.

— Провал хотя бы не обещает деньги перед тем, как их отнять.

Сил говорит тихо, но слышат все. Гир перестаёт чистить, второй рабочий выпрямляется с мешком в руках. Вчера я доказал, что точная опись даёт полный заработок. Сегодня за точность им предлагают отказаться от суммы, которую каждый уже успел потратить. У профессиональной правоты неприятная привычка приходить за чужой счёт.

Керт это понимает быстрее меня. Он открывает железный ящик и показывает пустое отделение.

— Браслет взвешиваем сейчас. Премия — бригаде, доля — двору. Крышку и кости господин Корин может описывать до ночи. Кто хочет оставить золото покойнику, пусть сначала вернёт вчерашние талоны.

Один из молодых рабочих смотрит на Сила. Гир не смотрит ни на кого, но щётка в его руке замирает. Лот тихо ругается и получает от бригадира локтем в плечо.

— Дайте мне четверть часа, — говорю я. — Откроем дальний край, подведём опоры и проверим, связан ли каменный палец с плитой.

— Нет, — отвечает Керт. — Вы уже получили половину вчерашнего дня и всё сегодняшнее утро. Металл вынет мой человек. Если замок действительно держит нагрузку, госпожа Марн это измерит.

Тея садится, вытирая пыль с щеки. — Нагрузку на скрытом соединении нельзя измерить, пока мы не знаем его форму.

— Тогда ваша должность состоит в том, чтобы запрещать всё неизвестное.

— Моя должность состоит в том, чтобы неизвестное не убило людей до того, как станет известным.

Керт переводит взгляд на Сила. — Премия снимается, если металл остаётся после второго колокола.

До удара остаётся меньше получаса. Сил медленно втягивает щёки, затем поворачивается ко мне.

— Насколько уверен?

— Что лента часть механизма — достаточно, чтобы не тянуть. Что под плитой пустота — не уверен.

— Мне от твоего «достаточно» людям платить нечем.

— А от моего «не уверен» они пока живы.

Сил проводит ладонью по крышке, чувствуя слабую дрожь от подъёмной шахты. Потом забирает лом у человека «Вертикали» и кладёт его за шнур.

— Четверть часа, — говорит он. — Не потому, что верю. Потому что вчера твой мешок со старой обмазкой оказался дороже нашей меди. Если ошибся, Керт вынет золото, а ты не будешь рассказывать, что надо ещё немного почистить.

— Договорились.

— Ты слишком часто это говоришь.

— Я здесь третий день. Других слов ещё не выучил.

Тея сразу распределяет работу. Гир и я раскрываем дальний край врезки, двое рабочих ставят доску поперёк каменного ящика, ещё двое заводят под крышку страховочную цепь. Сил велит протянуть от дверного косяка канат и сделать петлю каждому, кто полезет за шнур. Керт от петли отказывается.

— Я не рабочий вашей бригады.

— Падать будете всё равно по местным правилам, — отвечает Сил.

Керт не достаивает его ответом. Он стоит на поперечной доске, но носок сапога уже касается боковой плиты. Человек с ломом ждёт рядом. В железном ящике блестят щипцы.

Под тёмной землёй дальнего края находится не стенка погребения, а ещё одна плоская плита. Её шов идёт к золотой ленте и поворачивает под фундамент. Между плитами оставлена узкая щель, заполненная белой пылью. Я подношу кисть, не касаясь.

Пыль шевелится.

Не от дыхания — лампа горит ровно. Каждая вибрация подъёмника выдавливает из щели тонкую белую нитку. Каменный палец в изголовье принимает нагрузку, пусть не весь вес. Золото удерживает его от поворота.

— Все с плиты, — говорю я.

Керт наклоняется к браслету. — Время.

— Пыль движется. Замок нагружен.

Тея просовывает в щель тонкую пластину. Металл входит на ладонь и упирается во что-то твёрдое. Она ждёт вибрации. Пластину зажимает так, что вынуть получается только обеими руками.

— Корин прав. Разгружаем соединение, потом решаем, можно ли открыть.

Второй колокол начинает бить прежде, чем Керт отвечает. Первый удар проходит по балкам, по крышке погребения и по золотой ленте. На гладком металле дрожит точка света. Второй удар громче. Сил смотрит не на Керта, а на своих людей.

— Премии не будет, — говорит он.

Никто не спорит. Гир опускает глаза, молодой рабочий зло затягивает петлю на поясе. Решение приняли не потому, что простили потерянные деньги. Просто четверть часа дала им возможность увидеть белую пыль собственными глазами.

Керт вытаскивает щипцы.

— Премии не будет у вашей бригады, — произносит он. — У моего человека приказ остаётся.

Тея встаёт между ним и шнуром. — Я остановила изъятие.

— На основании предположения штрафника. В распоряжении Палаты нет слова «замок».

— Через минуту будет в моём акте.

— Через минуту металл будет в ящике.

Он делает шаг не на доску, а рядом, прямо на дальнюю плиту. Она выдерживает. Керт приседает, просовывает щипцы под золотую ленту и поворачивает кисть. Я успеваю увидеть, как с каменного пальца осыпается белая крошка.

— Не вверх! — кричу я.

Керт дёргает вверх.

Золотая лента выходит из первой петли меньше чем на палец. Этого хватает. Каменный палец поворачивается в пазу, дальняя плита без треска уходит вниз, а крышка погребения начинает скользить под фундамент. Поперечная доска принимает удар, прогибается и сбрасывает Керта с ног. Его сапоги исчезают в чёрной щели, пальцы скребут по гладкому камню.

Я падаю животом на доску и хватаю его за предплечье. Левый бок обжигает так, что на миг темнеет в глазах. Керт тяжёлый, мокрый от пыли, и тянет меня следом. Наручная цепь на правой руке впирается в пояс. Сил успевает наступить на конец доски, Гир хватается меня за ремень, ещё двое натягивают страховочный канат, который Керт отказался надеть.

— Ногу на край! — ору я ему. — Справа выступ!

— Там нет ничего!

Ему снизу виднее чёрная пустота, мне сверху — потёртость на камне. Я тяну его руку вправо. Керт бьёт сапогом по стенке, находит узкую полку и на секунду снимает с меня часть веса.

Тея не лезет вытаскивать его. Она опускается у изголовья и забивает клин туда, где золотая лента сошла с каменного пальца. Первый клин ломается. Второй входит наполовину и задерживает поворот. Крышка останавливается, прижав кости покойника, но не раздавив их; два земляных борта, которые мы не сняли ради красивого снимка, держат её с боков. Если бы утром Керт получил лом, каменный ящик ушёл бы вниз целиком вместе с людьми.

— Тянем на три, — говорит Сил. — Не раньше. Раз. Два.

На «три» меня дёргают назад. Керт помогает здоровой ногой, переваливается через край и падает на крышку. Я отпускаю его только после того, как Гир хватается за ворот. В щели под нами вспыхивает янтарный свет.

Это не лампа. Свет идёт между плитами, тонкий и злой, обводит кости, золотую ленту, наши шнуры. Дальний угол помещения отдаляется; стена рядом с ним остаётся на месте, и комната на глазах приобретает лишнюю длину. Лот прижимается спиной к перемычке. Молодой рабочий пытается бежать к двери, но Сил разворачивает его за плечи.

— По доскам! Шнур не пересекать!

Тея смотрит на складной уровень. Пузырёк ударяется о край, хотя прибор лежит горизонтально. — Начался срыв. Каменный палец надо вернуть в паз.

— Тогда возвращайте, — хрипит Керт. Он сидит, прижав ладонь к вывихнутому колену, и всё ещё не выпустил щипцы.

— Я не вижу исходного положения. Плита сместилась.

— На два пальца вправо, — говорю я.

— Какое вправо? — Тея показывает на дальнюю стену. Та продолжает уплывать, а шнур остаётся натянутым и кажется косым. — Мои точки расходятся.

Я смотрю на дуговую потёртость. Её края двоятся. Один уходит вместе с плитой, второй остаётся возле золотой ленты. Глубина снова ломается, только теперь не из-за усталости. Каталог приходит не после тишины и не в конце аккуратно заполненной страницы. Он разворачивается перед глазами посреди пыли, пока Сил держит людей на досках, Тея удерживает клин, а Керт лежит у ямы, которую открыл собственными руками.

ПОЛЕВОЙ КАТАЛОГ

Связь подтверждена: золотая лента — элемент каменного замка.

Контекст сохранён. Наблюдатель сохранён.

Статус: **РЕГИСТРАТОР I.**

Доступ: один неподвижный маркер. Чтение границы слоя.

Слова закрывают половину комнаты. За ними продолжает двигаться камень. Никакого поздравления, объяснения или права переждать. Если новый доступ чего-то стоит, проверять придётся сейчас.

Я выбираю не браслет и не край плиты — они уже смещены. Смотрю на выбоину в тёмной перемычке, от которой вчера тянули первый шнур, и мысленно приказываю оставить точку там. Боль входит под правый глаз. В выбоине загорается маленький янтарный крест.

Комната дёргается ещё раз. Перемычка уходит в сторону, шнуры изгибаются, но крест остаётся передо мной на прежнем расстоянии. Не держит камень, не останавливает срыв. Просто не врёт вместе с остальным.

— Тея, ваша левая точка ушла от маркера на ладонь к стене. Правая — почти на место. Поворачивайте каменный палец от себя, не вправо.

— Что за маркер?

— Потом. Сейчас от себя.

Она выдёргивает сломанный клин, Сил подаёт новый. Тея упирает его в бок каменного пальца и поворачивает. Золотая лента натягивается, но первая петля не совпадает с пазом.

Перед глазами проступает ещё одна линия — не шнур и не свет между плитами. Бледный контур идёт по красной подсыпке, огибает погребение и ныряет под фундамент. Внутри него камень, кости и замок связаны одним положением; снаружи начинается позднее заполнение. Граница культурного слоя выглядит не как цветная полоса в учебнике, а как край разорванной ткани. Слишком много деталей сразу. Меня мутит, дальняя стена то приближается, то исчезает.

— Ниже, — говорю я. — Каменный палец должен сесть ниже. Под ним сохранился край первоначальной врезки.

Тея не спрашивает, откуда я знаю. Прижимает клин к нижней потёртости и бьёт рукоятью молотка. Палец поворачивается. Гир, лежащий на второй доске, подаёт золотую ленту щипцами; Тея ловит её конец и возвращает в петлю. В тот миг, когда царапина на золоте совпадает с гладкой дугой на камне, янтарный свет гаснет.

Дальний угол возвращается рывком. Один из рабочих падает на колени, хотя пол под ним не двигался. Уровень Теи скатывается с крышки и останавливается у шнура. Янтарный крест в выбоине остаётся.

Я вижу его ещё два удара сердца, потом пол поднимается навстречу. Сил успевает оттолкнуть журнал, и меня выворачивает в пустую корзину, а не на страницу с планом. Хорошее начало для повышения по службе.

К середине дня погребение закрыто досками и двумя печатями. Керта уводят наверх на собственных ногах, но левую он почти не сгибает; перед уходом он требует забрать железный ящик и долго смотрит на золотую ленту, оставшуюся в каменных петлях. Благодарности не произносит. Я тоже не напоминаю, что держал его над пустотой. Некоторые долги лучше не называть сразу — человек охотнее платит, пока уверен, что это его решение.

Мне перевязывают бок широкой полосой ткани прямо в лебёточной будке. Тея делает это ту же, чем нужно, возможно из медицинских соображений, возможно потому, что я дважды сказал, что всё в порядке. Потом ставит передо мной кружку воды и требует описать окно дословно. Я записываю русскими буквами, писарь переносит текст на соседнюю страницу. Повышение ранга занимает шесть строк и вызывает у него меньше интереса, чем пометка Сила о сломанном клине: за клин могут вычесть из расчёта.

— «Наблюдатель сохранён», — повторяет Тея. — Это о Керте?

— Или обо мне. Каталог любит формулировки, которые можно проверить только после несчастного случая.

— А золотую ленту он назвал элементом замка.

— После того как мы сами это доказали. Белая пыль двигалась, пластину зажало, поворот отпустил плиту. Система не догадалась раньше нас.

Тея берёт моё лицо за подбородок и поворачивает к лампе. В отличие от утренней проверки рёбер, сейчас предупреждать она тоже не считает нужным. Я вижу её пальцы отчётливо, лампу за плечом — сразу в двух местах.

— Правый зрачок медленнее, — говорит она. — Маркер остаётся?

— Да.

Я вижу янтарный крест сквозь стенку будки. Он не просвечивает камень, скорее память о направлении стала твёрже самого камня. Стоит закрыть левый глаз, и глубина снова уплывает, но точка не меняется.

— Уберите его.

Я пытаюсь. Крест гаснет не сразу, словно вынимаю из породы туго сидящий штырь. Вместе с ним исчезает линия культурной границы. В глазнице остаётся тупая боль.

— Ещё раз сегодня не ставить, — говорит Тея.

— Приказ надзирателя?

— Заключение человека, которому потом объяснять Палате, почему её единственный Нарушитель ходит по стенам.

— Теперь Регистратор.

— Тем более. Повышение не делает ваш череп запасным.

Снаружи Сил выдаёт людям обычные сменные талоны. Без дополнительных отверстий за золото. Молодой рабочий получает свой, смотрит на свет и складывает вчетверо так резко, что картон хрустит. Гир убирает талон в карман и идёт проверять доски над погребением. Никто не спорит, но тишина бывает разной. Эта не про согласие.

Я выхожу из будки, придерживая ладонью перевязанный бок. Сил ждёт у корзины с испорченными клиньями.

— Керт велел списать премию целиком, — сообщает он. — Даже если завтра замок разберут безопасно.

— Замок не будут разбирать.

— Тогда тем более целиком. Люди за сегодняшний страх ничего не получают.

— Я не могу вернуть им золото, которого они не заработали.

Сил поднимает обломок клина, рассматривает расщеплённое дерево. — Они заработали право злиться. Не отбирай хотя бы его.

— Не собирался.

— Собирался объяснить, почему был прав. Для человека твоего возраста это одно и то же.

Он бросает клин в корзину и идёт к Гиру. Ответить хочется. Даже находится несколько хороших фраз про людей моего возраста и бригадиров, которые сначала торгуются со стеной, потом требуют от неё честности. Я их не произношу. Сил потерял деньги вместе со всеми и всё равно оставил земляные борта, когда мог махнуть рукой. Иногда доверие выглядит как возможность выслушать неприятное и не искать ошибку в формулировке.

К третьему колоколу приходит новый акт Палаты: участок опечатать, драгоценный металл оставить до инженерного решения, погребение признать связанным с несущей конструкцией. Тея читает вслух. На строке о связи Сил поворачивается ко мне.

— Значит, премию сняли за то, что мы не обрушили двор по правилам Палаты.

— Формулировка длиннее, — говорит Тея.

— Денег от этого больше?

— Нет.

— Тогда моя точнее.

Лот приносит оставшиеся бирки и начинает складывать их обратно в мешок. Тея останавливает его. Погребение нельзя вскрывать дальше, но документировать то, что уже открыто, акт не запрещает. Она велит поставить старую камеру у изголовья, новую — над крышкой, а из своего тубуса достаёт узкое зеркало на шарнире.

— Золото остаётся на месте, — говорит она. — Однако внутренняя сторона ленты открылась, когда её вернули в паз. Там есть насечки.

— Я видел царапины от камня.

— Не только их.

Сил слышит слово «золото» и возвращается. За ним подходят Гир и ещё двое. Молодой рабочий остаётся у выхода, но мешок не уносит.

Крышку снова поднимаем только на высоту старых клиньев. Никаких ломов и людей на скрытой плите. Доски лежат поперёк врезки, канаты закреплены у перемычки, золотая лента не двигается. Тея вводит зеркало в щель, поворачивает его внутренней стороной к браслету и направляет на него тонкий луч. На пластине камеры появляется изогнутая полоса с тёмными рисками.

Сначала они похожи на орнамент: короткие линии, углы, три маленьких кружка. Потом Тея делает второй снимок, смещая зеркало на ширину пальца, и линии продолжают точно с того места, где оборвались. На третьем проявляется длинный двойной штрих и поперечные ответвления.

— Не украшение, — говорит Гир.

— Почему? — спрашивает Лот.

Гир тычет грязным ногтем в два соседних снимка. — Узор повторялся бы. Этот идёт дальше.

Вчера он объяснял мне, что после работы всё равно останется земля. Сегодня первым замечает, что рисунок не повторяется. Я ничего не добавляю. Если человек сам добрался до наблюдения, чужое одобрение только делает его меньше.

Тея снимает ленту участками, не касаясь её. Пять пластин раскладывает на столе и совмещает по царапинам. Изогнутую поверхность приходится мысленно распрямлять. Я провожу карандашом каждую линию в журнале: длинный проход, два боковых помещения, узкий пово-

рот, ещё одна прямая. Кружки стоят не для красоты — расстояния между ними совпадают с опорными точками возле тёмной перемычки, фундаментной плиты и погребения.

— Это наш участок, — говорит Лот. — Вот яма.

— Погребение, — поправляет Тея.

— Когда в ней лежал Керт, была яма.

Сил кашляет, скрывая смех. Тея смотрит на подростка поверх пластин. — Вот почему тебе пока не поручают акты.

Она приносит официальный план Нижнего двора и кладёт рядом. На нём помещение за вчерашней стеной обозначено как глухая засыпка. Тёмный фундамент заканчивается толстой линией; дальше нарисована пустая порода. Мы привязываем гравировку к выбоине в перемычке и масштабу между тремя кружками. Первый отрезок совпадает с нашим помещением. Второй проходит под фундаментом, точно по направлению каменной постели. Затем линия поворачивает и уходит туда, где на официальном плане нет ни коридора, ни помещения, ни даже старого водостока.

— План улицы, — говорю я. — Не комнаты. Видите ширину центральной полосы и узкие ответвления? Проход между фасадами, боковые входы. Погребение поставили у края, а замок закрывал не могилу.

Тея измеряет расстояние между ответвлениями и сравнивает с толщиной стен на карте. — Если масштаб один, улица шире нижней галереи вдвое.

— И продолжается под Слоем Основания, — говорит Лот.

На этот раз его никто не поправляет.

Сил наклоняется над планами, опираясь кулаками о стол. — Монета была под стеной. Теперь улица под стеной. Это ваша вторая улика?

— Это второй признак, что официальный низ не везде нижний, — отвечаю я. — Но монета датирована по чеканке, а гравировка пока не датирована никак. Они связаны местом, не временем. Запишем отдельно.

— Опять «не знаю», — ворчит он.

— Пока да.

— За это хоть платят?

Тея кладёт поверх карты тонкую копировальную бумагу, переносит три опорные точки и отмечает продолжение линии.

— Если улица существует, её край должен выйти в соседних четырёх квадратах. За полностью принятый участок платят. За новый проход — отдельная ставка после освидетельствования.

Молодой рабочий у выхода разворачивает смятый талон. — А за золото?

— Нет, — отвечает Тея.

Он смотрит на чёрную щель под крышкой, где утром исчезли ноги Керта, затем подходит и ставит мешок с бирками возле стола. — Тогда хоть проход найдём.

Сил не благодарит его и не делает речь о разумном выборе. Просто делит оставшиеся бирки между людьми и велит срезать острые края, чтобы завтра никто не распорол ладонь. Гир проверяет номера на мешках, Лот просит дать ему новый кусок черепицы. Работа снова начинается не в земле, а вокруг неё: кто-то точит лопаточки, кто-то натягивает сухие шнуры, писарь переписывает акт без слова «тайник».

Тея оставляет копию гравировки в журнале и запечатывает остальные пластины. Её карандаш останавливается над официальной картой там, где выгравированная улица проходит сквозь пустое место.

— До распоряжения Палаты вскрывать продолжение нельзя, — говорит она.

— А распоряжение придёт после того, как Керт объяснит, почему хромает.

— Он объяснит, что спас участок, лично проверяя крепёж.

— Тогда до его награды времени много.

Тея всё-таки улыбается, коротко и зло, затем проводит от последней точки гравировки тонкую линию. Она упирается не в соседний квадрат, а в заложённый проход под бывшим судом — тот самый, который мы открыли после деформации стены. На плане Палаты между двумя местами лежит цельный массив. На браслете они соединены прямой улицей.

Верхние клетки уже грохочут над Нижним двором, когда Сил гасит рабочие лампы. Под печатями остаются погребение и золотая лента; точку первого маркера Тея переносит на схему тремя промерами и заставляет писаря повторить их на полях. Гир перед уходом не бросает бирки в общую корзину, а раскладывает по номерам вдоль стены. Молодой рабочий, утром дольше всех смотревший на пустое отделение для премии, помогает ему выровнять ряд. Лот сидит у лебёточной будки и режет новые черепки, после каждой насечки сверяясь с копией гравировки. К последнему колоколу бирки уже огибают фундамент и тянутся к заложённому проходу под бывшим судом — точно туда, где на плане Палаты начинается сплошной камень.

Глава 5. Право на кисть

К утру найденная улица успевает стать служебным нарушением, хотя никто не сдвинул ни одного камня. Печати на погребении целы, золотая лента держит замок, бирки лежат вдоль стены в том порядке, в каком их оставили, но люди Сила вместо раскопа переносят пустые корзины с одного конца Нижнего двора на другой. За неподвижность здесь не платят, поэтому бригадир придумал работу, которая не меняет ничего, кроме усталости. Он отмечает каждый рейс на обороте вчерашнего акта и обещает приложить лист к требованию об оплате простоя.

— Палата прочтёт? — спрашиваю я.

— Нет. Но бумага будет тяжёлая, — отвечает Сил. — Может, руку им оттянет.

Три ячейки на моей пластине уже серые, двадцать семь остаются тёмными. Бок после вчерашней доски стянут тканью и болит при каждом повороте, зато глубина больше не двойится. Неподвижный маркер снят, выбоина в перемычке снова стала обычной выбоиной. Юридически я Регистратор I, практически — штрафник с наручником и редкой способностью создать начальству ещё одну форму отчёта.

Сама кисть лежит на столе у лебёдочной будки, запечатанная в узкий деревянный футляр. Я узнаю погнутую обойму и царапину на ручке через стеклянную крышку. Рядом Тея раскладывает три бумаги. Одну прислали из Палаты, вторую — из суда, третью написал Керт. Его документ толще остальных и пахнет свежим обезболивающим: видимо, начальник «Вертикали» диктовал лёжа и старался компенсировать колено количеством слов.

— Лемм сообщает, что вы применили незарегистрированный доступ к астерской сети во время аварии, — говорит Тея. — И что дальнейшее участие человека без подтверждённой квалификации создаёт угрозу концессии.

— Он забыл сообщить, кто создал аварию?

— Нет. Написал: «При личной проверке крепежа произошло непредусмотренное смещение».

Сил, проходящий мимо с пустой корзиной, останавливается. — Личная проверка — это когда сам полез щипцами?

— В официальном языке длина рукояти не имеет значения, — отвечает Тея.

Она переворачивает второй лист. Керт не смог вычеркнуть показания десяти рабочих, две фотографические пластины и собственную подпись под приказом об изъятии. Поэтому Палата признала золотую ленту частью конструкции, а его жалобу превратила в требование проверить меня. Если я хочу остаться не просто носильщиком при участке, сегодня должен подтвердить право вести полевую фиксацию. Экзамен без Каталога, один объект, одно заключение. Провалюсь — кисть снова станет уликой, журнал передадут писарю, а улицу под фундаментом будет искать бригада «Вертикали» после снятия печатей.

— А если сдам?

— Получите временный допуск к Шахте №6. По направлению гравировки ближайшая разрешённая выработка находится там.

Сил ставит корзину на пол. — А люди?

— В допуск можно включить одну дворовую бригаду.

— Можно или включили?

— Это зависит от экзамена.

Бригадир смотрит на меня так, будто я уже вынул у него из кармана ещё один талон. Вчера он позволил потерять премию из-за моего «не уверен». Сегодня заработок десяти человек снова зависит от того, сумею ли я убедить людей, которые любят один ответ больше трёх честных версий.

Лот выглядывает из-за корзины. — А что спросят?

- Если бы мне сказали, экзамен получился бы коротким.
- Тогда скажите, что вы Регистратор.
- Именно это они и хотят проверить.
- Скажите, что спасли Керта.

Сил берёт его за плечо и возвращает в строй носильщиков. — Если на экзамене понадобится совет человека, который не умеет молчать, Корин сдаст лучше всех.

Тея защёлкивает футляр с кистью и отдаёт его сопровождающему. Мне оставляет только серую дворовую куртку и правый наручник, который на этот раз крепят не к поясу, а к длинной цепи. Палата не доверяет моим знаниям, зато в способности убежать уверена достаточно, чтобы выделить отдельного стража.

Подъём занимает почти полчаса. Клетки проходят знакомые ярусы Нижнего двора, затем идут выше, где бывшие фасады уже не подпирают балками, а прячут под ровной штукатуркой. Воздух становится суше. Между крышами впервые появляется узкая полоса настоящего неба — бесцветная, осенняя, такая далёкая, что я сначала принимаю её за ещё одну подсвеченную шахту. Успеваю увидеть птицу и край облака, прежде чем клеть входит под каменную арку.

Телефон остался в судебном ящике с остановившимся временем. Кирилл и Надя — по другую сторону плиты, мира или удачно составленного посмертного бреда. Три дня я не позволял себе думать о них дольше нескольких вдохов: под землёй полезнее считать трещины, чем людей, которых не можешь найти. Птица наверху делает круг, исчезает за крышей, и левый бок вдруг болит сильнее. Тея замечает, как я держусь за перила, но спрашивает не о рёбрах.

- У вас не было неба?
- Было. Просто ваше оказалось неожиданно на месте.

Она смотрит вверх, словно проверяет и это. — После Палаты его будет больше. Здание стоит на верхней площади.

- Утешаете перед экзаменом?
- Сообщаю положение выхода.

Палата летописей снаружи похожа на учреждение, которое не пачкает руки даже собственной тенью: светлый камень, широкие лестницы, медные двери без вмятин. На нижних ярусах любая стена носит следы ремонта, воды или чьего-то плеча; здесь пыль с сапог посетителей тут же исчезает под щётками служителей. В главном зале между запечатанными шкафами висят безупречно чистые планы шести слоёв. Нижняя тёмная линия уверенно подписана Слоем Основания, под ней — ровное белое поле без продолжения.

Нас проводят в небольшую комнату с тремя столами. За средним сидит сухой пожилой мужчина в чёрной мантии. Справа женщина с коротко остриженными седыми волосами проверяет фотографические пластины, слева писарь раскладывает формы. Имена я слышу, но запоминать ещё трёх людей ради одного экзамена не стараюсь: если кто-то решит посадить меня в камеру, представиться успеет.

Мою кисть кладут на отдельную белую ткань. Председатель комиссии рассматривает её через увеличительное стекло, касается щетины металлической иглой и спрашивает, почему обойма согнута.

- На неё упал камень.
- Инструмент повреждён.
- Но работает.
- Это предстоит установить.

Он читает бумаги Керта, акт Теи и заключение о золотом замке. На словах «Регистратор I» задерживается, затем просит описать доступ. Я объясняю неподвижный маркер и границу слоя так, как видел: одна опорная точка, не меняющая положения при срыве, и контур связанного контекста. Не называю это зрением сквозь землю или знанием прошлого. Председатель

дважды пытается получить более красивый ответ, но Тея каждый раз записывает мою формулировку дословно.

— Во время испытания Каталог использовать запрещено, — говорит он. — Ни одного маркера. Ни одного вывода, основанного на проявленной границе.

— Если окно появится само?

Женщина справа поднимает голову от пластин. — Вы прекращаете работу и сообщаете, что видите. Результат аннулируется, но это не считается обманом. Скрытое использование — считается.

— Как вы его заметите?

— Госпожа Марн видела последствия. Изменение зрачка, потеря глубины, реакция съёмочных пластин. Кроме того, человеку, который только вчера получил доступ, обычно трудно не похвастаться.

— Мне сорок два. Я научился откладывать хвостовство до окончания отчёта.

Председатель не улыбается. Тея едва заметно двигает карандашом, и я не уверен, исправляет ли строку или прячет реакцию.

Условия занимают половину листа. Мне покажут исследованное помещение и находки; я должен определить функцию комнаты, объяснить признаки и степень уверенности. Разрешена одна дополнительная проверка, если заранее скажу, какой результат различит версии. Стены и встроенные предметы трогать нельзя, время — до малого удара колокола. Если комиссия примет заключение, получу право работать кистью и вести журнал под подписью инспектора.

— А если контрольное заключение неверно? — спрашиваю я.

Писарь перестаёт писать. Женщина справа медленно кладёт пластину.

— Вы ещё не видели объект, — говорит председатель.

— Поэтому спрашиваю заранее. Потом это прозвучит как оправдание.

— Возражение будет рассмотрено комиссией.

— После оценки?

— Вместе с ней.

Хороший способ сказать «после того как проиграете». Я подписываю правила русскими буквами. Писарь уже знает, что обводить имя местными знаками нельзя: Тея останавливает его одним взглядом.

Испытательная комната находится двумя этажами ниже главного зала. Спускаемся по лестнице, где светлый камень постепенно сменяется серым, штукатурка исчезает и проступают старые стены. Палата построена поверх тех же руин, которые описывает. Просто здесь прошлому разрешено лежать на месте, если оно заранее подписано.

У входа на цепи висит металлическая табличка с номером. За порогом прямоугольное помещение, шагов семь в длину и четыре в ширину. Пол раскрыт почти целиком. Вдоль левой стены стоит низкий каменный жёлоб с чашеобразным углублением, от него к двери идёт узкий канал. Канал забит светлым раствором. На противоположной стене торчат четыре железные петли; две на высоте пояса, две выше плеча. В дальнем углу чернеет округлое пятно, над ним штукатурка закопчена до потолка. Возле жёлоба красный налёт. Если заранее захотеть увидеть кухню, мастерскую или комнату для пыток, помещение вежливо подберёт признаки для любой версии.

На столе у двери лежат план, рейка, чистая книжка и один деревянный лоток с находками. Пять фрагментов толстого горшка, три кости животных, железный крюк, комок красного вещества, два обломка стекла. Номера есть, глубины нет. В графе происхождения стоят местные знаки, которые я не читаю.

— Перевод подписей? — спрашиваю я.

Председатель остаётся за порогом. — Название предмета и материал вам сообщат. Место обнаружения обозначено на плане.

Тея переводит. Все находки отмечены одним кружком возле дальней стены. Слишком аккуратно. Пять разных предметов из комнаты длиной семь шагов будто ждали раскопщика в общей кучке.

— Они найдены вместе?

— Они зарегистрированы за помещением, — отвечает Тея.

— Это не одно и то же.

— Вопрос учтён. Время началось.

Дверь закрывается не полностью. Комиссия видит меня через широкий проём, страж держит конец цепи снаружи. Тея входит и становится у стены с камерой. Не помогает, не мешает, не отводит взгляд. Я снимаю дворовую куртку, кладу её на стол и начинаю с того, что ничего не трогаю.

На Земле комнаты получали назначение быстрее, чем высыхал первый план. Зернотёрка превращала яму в кладовую, кусок шлака — в мастерскую, человеческая кость — в святылище, потому что слово «помойка» хуже смотрится в отчёте. Я и сам однажды назвал подвал кухней по очагу и костям. Через два дня студентка дочистила порог и нашла под очагом водосток, старше пола на несколько веков. Кухня осталась кухней, только перестала быть единственной жизнью помещения.

Обхожу участок по краю. Правую руку цепь позволяет отвести всего на полшага от тела, поэтому уровень приходится держать левой. Пол просел к жёлобу, но неравномерно: у дальней стены плиты лежат выше, возле двери ниже. Канал вырублен в двух плитах и пересекает шов третьей. Светлый раствор в нём гладкий, без копоти. Чёрное пятно в углу не имеет каменного бортика, зола лежит прямо на полу. Железные петли вбиты через штукатурку; вокруг нижней край серый, вокруг верхних — красноватый.

Я приседаю у лотка. Горшок обожжён неравномерно, с внутренней стороны жирный налёт. Кости рублены, одна обожжена. Железный крюк мог держать котёл, тушу, кожу или связку ключей. Красный комок крошится, оставляет на пальце яркую черту. Пигмент, охра, краситель — без анализа одно слово только притворяется точным. Стекло оплавлено по краю, но могло попасть в жар позже.

Тея поворачивает рукоять камеры. Сухой разряд отражается от стен. На пластине обозначаются петли, жёлоб, канал и мои следы вдоль шнура. Янтарных линий нет. Каталог молчит, потому что я не зову его и пока не сделал ничего достойного вмешательства.

— Вы можете пользоваться кистью из набора, — говорит председатель от двери.

На нижней полке лежит широкая щётка с ровной новой щетиной. Моей кисти здесь нет. Я беру чужую, пробую на ладони. Слишком жёсткая для рыхлого слоя, зато пыль с камня сметёт.

Сначала очищаю край чёрного пятна. Копоть заканчивается резко, дугой. Под ней пол светлее, но никаких обожжённых камней нет. Очаг временный: жар разводили в железной жаровне или на слое земли, который потом убрали. У стены остаются две круглые вмятины от ножек. Возле них в шве застряла рыба чешуя. Кухня становится вероятнее, но только для этого угла.

У жёлоба красный налёт лежит не на дне, а поверх поздней известковой корки. Провожу щёткой вдоль края. Под красным открывается белый слой, ниже — серый камень. Если здесь красили ткань, краска должна была попасть в трещины и канал, а она держится на поверхности пятном, как рассыпанный порошок. Может быть остатком работы. Может быть находкой, которую уронили при раскопе. Может быть специально оставленной подсказкой для экзаменуемого, который любит цвет больше положения.

— Госпожа Марн, когда помещение исследовали?

— Двадцать два года назад.

— Красное вещество лежало так же?

— В акте указано: «у жёлоба».

— Слой?

Она переводит взгляд на председателя. — В предоставленной выписке слой не указан. Вот оно. Не ошибка писаря — пустое место, которое охраняют трое экзаменаторов.

Я перехожу к петлям. Нижняя покрыта чёрным жирным налётом, верхние сухие. Крепёж разный: одна петля кованая, три отлиты. Вокруг кованой штукатурка подмазана поверх красного слоя. Значит, петли ставили не одновременно. Комната менялась, но экзамен требует одно назначение, словно люди, получив помещение, обязаны хранить ему верность до обвала.

Малый колокол ещё не ударил, однако председатель уже спрашивает:

— Ваше заключение?

— Три версии.

— Требуется функция.

— Тогда сначала три способа ошибиться. Поздняя кухня или место разделки пищи: временный очаг, жир на горшке, рубленые и обожжённые кости, крюк. Мастерская для окраски ткани: жёлоб, сток, красный пигмент, петли для натяжения. Обработка кожи: те же жёлоб и сток, крюк, животные кости, зола как источник щёлочи. Для всех трёх признаки есть. Ни для одной они не связаны по времени.

Женщина с седыми волосами делает пометку. Председатель складывает руки на груди. — Какая версия основная?

Я смотрю на Тея. Она держит камеру спокойно, только большой палец слишком сильно прижат к рукояти. Вчера она перечеркнула «нарушена» и написала «проверяется». Сегодня её выписка лишила находки глубины, канал — разреза, а комнату — последовательности. Это не небрежность. Она хочет увидеть, поступлю ли я с чужими данными хуже, чем с собственными.

— Не знаю, — говорю я.

Писарь за дверью наконец поднимает голову. Председатель ждёт продолжения; люди, привыкшие к уверенным ответам, часто считают паузу слабостью и помогают, если дать им время.

— Вы прибыли из неизвестного места, — произносит он. — Не знаете наших ремёсел, письменности и обычаев. При этом претендуете на право определять ценность древних помещений. «Не знаю» недостаточно.

— Для вывода недостаточно ваших данных. Это разные вещи.

— Вам дали план, конструкцию и находки.

— Мне дали предметы без глубины, признаки минимум двух переделок и вопрос в единственном числе. Я могу выбрать самое красивое объяснение. Проверяемое оно не станет.

Тея опускает камеру. — У вас остаётся право на один дополнительный способ проверки.

— Нужен разрез.

— Где именно? — спрашивает женщина у двери.

Я кладу рейку поперёк светлого раствора в канале, у границы чёрного пятна. Канал идёт к жёлобу и исчезает под поздней подмазкой пола. Если очаг и сток работали одновременно, зола должна входить в заполнение канала или перекрывать его без промежуточного ремонта. Если сток закрыли раньше, между ними будет слой раствора, новая поверхность или след срезки. Разрез шириной в ладонь покажет последовательность. Не назначение комнаты — хотя бы порядок, без которого назначение превращается в гадание.

— Вы уничтожите часть пола, — говорит председатель.

— Часть уже исследованного заполнения. Я обозначил минимальную ширину, сделал снимок и оставлю контрольную половину. Либо дайте старый разрез из отчёта. Он должен существовать, если канал расчистили двадцать два года назад.

— В материалах испытания его нет.

— Тогда я прошу вскрытие.

Председатель смотрит на Тею. Она не кивает и не подсказывает. Просто держит взгляд. Через несколько секунд он снимает с пояса маленькую печать и ставит её на край моего чистого листа.

— Разрешено. Только в обозначенной полосе.

Страж удлиняет цепь на одно звено. Мне выдают тонкий совок, деревянную лопаточку и ту же жёсткую щётку. Кисть из футляра остаётся наверху, но право на дополнительный разрез уже полезнее инструмента.

Светлый раствор в канале снимается пластами. Верхний слой крепкий, почти белый; ниже он сереет и содержит мелкую керамическую крошку. Чёрное пятно подходит к краю, но не уходит под него. Я оставляю половину перемычки нетронутой и чищу вертикальную стенку совком. Тея ставит сбоку лампу. На срезе появляется последовательность: старый каменный канал, тёмный налёт воды на дне, плотная пробка из битой керамики, белая известковая заливка, тонкий слой нового пола и только над ним — зола позднего очага.

— Сток закрыли до того, как здесь начали готовить, — говорит женщина у двери.

— Или жечь что-то ещё, — отвечаю я. — Кухня относится к последней фазе. Жёлоб и канал — к более ранней.

В серой пробке блестит крошечный кусок синего стекла. Такой же лежит в лотке, но тот оплавлен. Я не вынимаю новый фрагмент, пока Тея не делает снимок и не даёт номер. Под ним находится полоска ткани, спрессованная раствором. Цвет не разобрать, волокно рассыпается по краям.

— Теперь красильня? — спрашивает председатель.

— Теперь у версии красильни появился предмет в раннем заполнении. Но ткань могла служить прокладкой, стекло — попасть в дроблёную керамику. Для кожевенной мастерской тоже не хватает характерных отходов. Я могу уверенно сказать только, что помещение использовали минимум дважды: сначала здесь работал жёлоб со стоком, потом канал закрыли и в углу появился очаг. Первую функцию нужно оставить неопределённой до анализа налёта и полного списка находок.

— А требуемое назначение?

— Поздняя хозяйственная кухня — вероятно. Ранняя мокрая мастерская — возможно. Единая функция для всей комнаты — неверная постановка вопроса.

Малый колокол бьёт как раз на последнем слове. Звук проходит по каменному каналу, белой заливке и жёсткой щётке у моей руки. Я откладываю инструмент. Каталог не появился ни разу. От этого удовлетворения больше, чем от янтарного окна: собственная голова не выдаёт ранг, но и не требует потом объяснять, кто именно думал.

Председатель просит нас выйти. Страж укорачивает цепь, Тея забирает пластины и план, а лоток с находками оставляет на столе. Я замечаю под нижней полкой второй лоток. Он закрыт тканью, но наружу торчит угол карточки с номерами. В начале испытания его там не было — или стоял глубже. Тея перехватывает мой взгляд и берёт лоток сама.

В комнате комиссии она снимает ткань. Внутри лежат ещё два фрагмента того же толстого горшка, четыре железных скребка, грузики с остатками нитей и маленькая чашка, покрытая красным налётом изнутри. Возле каждого указаны глубина и точка.

— Из раннего заполнения? — спрашиваю я.

— Скрепки — у жёлоба, — отвечает Тея. — Грузики — в засыпке канала. Горшок и кости — над новым полом.

— Вы убрали половину описи.

— Да.

Она не оправдывается и не прячет глаза. Председатель листает мой лист с тремя версиями, женщина сравнивает новый срез со старой пластиной, которую достала из запечатан-

ного конверта. Разрез там есть. Почти такой же, только двадцатидвухлетней давности: канал, пробка, известь, новый пол, зола.

— Контрольное заключение называет помещение красильной мастерской, позднее приспособленной под кухню, — говорит председатель. — В первом отчёте его признали кухней. Через девять лет — комнатой для обработки шкур. После повторного изучения грузиков и налёта — красильней. Каждое заключение объявляли окончательным.

— Значит, комиссия знает, что вопрос плохой.

— Комиссия знает, что опасен не плохой вопрос, а человек, готовый ответить на него без оговорок.

Я смотрю на Тею. — Поэтому номера без глубины.

— И поэтому неполная опись, — отвечает она. — Ваши знания местных ремёсел нельзя проверить за один день. Можно проверить, станете ли вы закрывать незнание Каталогом или уверенностью.

Злость приходит не яркая, а усталая. Тея устроила аккуратную ловушку из чужой ошибки и могла предупредить. Тогда испытание стало бы коротким и бесполезным — это я понимаю раньше, чем успеваю высказать всё остальное.

— Если бы я назвал три версии, но не попросил разрез?

— Недостаточно, — говорит женщина комиссии. — Неопределённость нужно не только признать, но и сокращать проверкой.

— Если бы выбрал красильню?

— Совпал бы с контрольным заключением и провалил испытание, — отвечает Тея.

— Удобные у вас правила.

— Неудобные. Поэтому ими редко пользуются.

Председатель складывает документы, но подпись не ставит. — Последний вопрос, господин Корин. Зачем вам нужен допуск к Шахте №6?

Можно сказать про карту улицы, молодую монету, клеймо, которого нет в полевой описи. Можно произнести «Седьмой слой» и посмотреть, как быстро закроются шкафы наверху. Пока у меня два признака, ни один не датирует улицу независимо, а вся власть в комнате построена на уверенности, что ниже Слоя Основания лежит только камень.

— Чтобы проверить, существует ли продолжение улицы, изображённой на браслете, — отвечаю я. — Не чтобы объявить, что уже знаю, куда она ведёт.

Председатель наконец берёт перо. — На этот вопрос вы тоже отвечаете «не знаю».

— Нет. Я знаю, зачем иду. Не знаю, что найду. Если Палата не различает эти вещи, экзамен был нужен не только мне.

Тея кашляет и поворачивается к окну. Женщина с седыми волосами смотрит на председателя. Тот держит перо над строкой достаточно долго, чтобы писарь успел испугаться за всех нас, затем ставит подпись.

— Временный допуск. Два дня. Только Шахта №6, без взрывных работ и изъятия встроенных предметов. Госпожа Марн отвечает за съёмку и безопасность, вы — за полевое описание. Любое расхождение фиксируется до продолжения работ.

— Бригада Нижнего двора? — спрашиваю я.

— Одна смена под ответственностью её бригадира.

— Тогда подпись пригодится.

Председатель пододвигает документ Тее. Она читает каждую строку, исправляет номер моего контракта и только после этого расписывается. Не поздравляет. Я тоже не благодарю за ловушку. Но когда она возвращает второй лоток в конверт, красную чашку кладёт не к «правильной версии», а отдельно, с пометкой о непроверенном составе налёта.

Право на кисть оформляют дольше, чем право спуститься в опасную шахту. К вечеру мы всё ещё сидим в комнате выдачи, где служитель измеряет длину щетины, считает трещины на деревянной ручке и пытается найти цеховое клеймо. Его нет. На Земле производитель напечатал название сбоку, но местные буквы с ним не совпадают, поэтому кисть признают инструментом неизвестной мастерской, пригодным для тонкой расчистки под надзором. На обойму надевают узкое медное кольцо с номером допуска. Теперь моя вещь выглядит так, будто тоже получила штрафной контракт.

Служитель передаёт её Тее. Та вместо футляра протягивает кисть мне.

— До окончания допуска, — говорит она.

— А потом снова под стекло?

— Если не получите продление.

Я провожу пальцем по щетине. После чужой жёсткой щётки погнутая обойма кажется удобнее новой. Вещь пахнет той же землёй, из которой я сюда провалился, хотя за три дня к ней примешались красная пыль Кайра и масло Нижнего двора.

— Вы знали, что я попрошу разрез? — спрашиваю я.

Тея складывает копию допуска в тубус. — Надеюсь.

— Не одно и то же.

— Поэтому и понадобился экзамен.

— А если бы выбрал красильню и красиво объяснил?

— Я бы не подписала допуск.

Она произносит это без извинения, и злиться становится труднее. Тея поставила подпись не под правильным словом, а под решением, которое видела от начала до конца. В Нижнем дворе она верила картам больше, чем незнакомцу; сейчас верит не мне вообще, а конкретному поступку. Для трёх дней знакомства достаточно.

— В документе вы мой надзиратель? — спрашиваю я.

— В контракте — да. В допуске к шахте — инспектор-напарник.

— Напарник с правом приказать убрать маркер.

— Инспектор с обязанностью остановить вас, если вы перестанете видеть расстояние. Вы можете остановить меня, если я перепутаю измерение с выводом. Это записано в строке о расхождениях.

— Значит, у нас официальное право мешать друг другу работать.

— До сих пор вы справлялись без разрешения.

Она берёт со стола две кружки остывшего настоя, одну ставит передо мной. На губах появляется короткая улыбка, но Тея сразу прячет её в воде. Для начала напарничества хватает холодного напитка и права публично указать друг другу на ошибку.

Служитель возвращается с планом Шахты №6. Лист большой, сложенный в восемь раз, края укреплены тканью. Печать в углу старая, воск потемнел. По словам Теи, съёмку делали больше тридцати лет назад, затем дважды сверяли после укрепления галерей. Последняя проверка отмечена четыре года назад. «Вертикаль» получила копию вместе с концессией, а этот экземпляр хранился в Палате.

Мы разворачиваем план на длинном столе. Для меня подписи остаются угловатыми знаками, зато линии понятны: главный ствол, два грузовых хода, вентиляционные каналы, старые помещения, опоры. Тея показывает точку входа, затем место, где направление с браслета должно пересечься с нижней галереей. На официальном плане там толстая штриховка цельной породы и знак безопасной стены.

— Если гравировка верна, улица проходит под этой опорой, — говорит она. — Ломать нельзя. В главе вашего допуска это запрещено отдельно.

— Значит, проверим по водостокам и краям кладки. Если улица есть, она оставила следы не только там, где нам удобно войти.

Я наклоняюсь ближе. От листа пахнет пылью, льняным маслом и чем-то свежим, резким. Не чернилами целиком — одним участком. Провожу кистью над штриховкой, не касаясь. Волокна бумаги вокруг знака топорщатся против общего направления. На старых сгибах грязь въелась ровной серой полосой, но возле безопасной стены полоса прерывается светлым прямоугольником.

— План ремонтировали? — спрашиваю я.

— Края и сгибы, — отвечает Тея. — Рабочее поле трогать не должны.

— Здесь снимали верхний слой бумаги.

Она ставит лампу ниже. Косой свет ложится поперёк карты. Толстая штриховка оказывается неровной: в середине линии чёрные, по краям бурые. Под знаком безопасной стены проступают две соскобленные ножки другого символа. Я осторожно провожу кистью по светлomu прямоугольнику. На чёрную ткань под картой падает белая бумажная пыль и две тёмные крупинки.

Служитель тянется к листу. — Не касайтесь. Экземпляр архивный.

Тея перехватывает его запястье раньше меня. — Инструмент допущен, действие выполняется под моим надзором. Принесите камеру и книгу выдачи.

— План проверен.

— Поэтому мы запишем, в каком состоянии его выдали.

Служитель уходит неохотно. Тея рассматривает крупинки через увеличительное стекло. Одна размазывается по металлу жирной чёрной полосой.

— Эти чернила не могли лежать четыре года, — говорит она. — Масло ещё не высохло полностью.

— Насколько свежие?

— Несколько дней. Возможно, неделя. Точнее скажет мастер материалов.

Она читает соскобленный знак по уцелевшим ножкам. Не безопасная стена. Отметка непроверенной пустоты. Кто-то стёр её, заштриховал участок как цельную породу и поставил поверх разрешение на проход. Ещё две свежие подмены находятся дальше по галерее: вентиляционный канал сдвинут на ширину помещения, старая трещина исчезла, несущая линия стала прямой там, где раньше огибала неизвестный объём.

— Все изменения ведут к одному участку? — спрашиваю я.

Тея прикладывает рейку. Свежие отметки образуют коридор от главного ствола к точке, где гравировка браслета уходит под фундамент. На бумаге он безопасен и пуст. В действительности там может лежать целая улица с каменными замками, встроенными предметами и связями, которые рвутся при изъятии.

— План должны были взять из шкафа только сегодня утром, — говорит она.

— Значит, изменили раньше.

— Или знали, какой экземпляр выдадут.

Служитель возвращается с камерой и книгой. Тея не обвиняет его и не произносит слова «подделка». Просит назвать номер шкафа, время последней выдачи, число ключей и тех, кто ставил печать после проверки. Ответы записывает в моём присутствии, прежние строки не переписывает. Затем снимает карту целиком, отдельно — каждый соскоб, отдельно — пыль на чёрной ткани. Одну пластину запечатывает для комиссии, вторую кладёт в свой тубус, третью оставляет в книге выдачи.

— Мы обязаны сообщить председателю, — говорит служитель.

— Сообщите. И приложите первую пластину. Оригинал до повторной съёмки не возвращать в шкаф.

— Тогда допуск к шахте задержат.

Тея смотрит на свежую чёрную штриховку. — Именно этого, вероятно, и добивались.

Она делает рабочую копию со старой линии, восстанавливая стёртые знаки по косому свету, а рядом переносит новые, не смешивая их. Я держу рейку и называю расстояния, она проверяет каждое дважды. Никакого маркера. Каталог не нужен, чтобы увидеть мокрые чернила на старой карте; достаточно не считать печать доказательством того, что бумагу никто не трогал.

Книгу допуска приносят уже после вечернего колокола. Председатель не отменяет решение, только добавляет условие: входить в Шахту №6 по старому безопасному маршруту, свежие отметки считать недействительными до проверки. Сил и его люди включены в смену. Тея расписывается как инспектор-напарник, я ставлю имя рядом, служитель прикладывает копию плана с обеими версиями. На последней строке остаётся свободное место для первого полевого расхождения.

Когда мы складываем карту, свежая штриховка оказывается снаружи. Чёрная полоса проходит по направлению улицы и заканчивается знаком безопасной стены поверх непроверенной пустоты. Завтра Сил приведёт туда десять человек, Лот принесёт бирки, Гир — лопаточки, а «Вертикаль» будет ждать расчистки по подменённому плану. Тея сворачивает копию отдельно и отдаёт мне вместе с кистью. Оба держу в левой руке: правая прикована к цепи. Старая бумага оставляет на пальцах не древнюю пыль, а жирный след чернил, нанесённых несколько дней назад.

Глава 6. Улица под шахтой

Сил приходит к Шахте №6 с десятью людьми и одиннадцатым мешком бирок. Лот тащит его на плече, хотя мешок весит меньше пустой корзины, и всё время поглядывает на медное кольцо на моей кисти, будто право на инструмент могут отнять от сквозняка. Саму кисть держу я; правый наручник снова пристёгнут к кожаной петле у пояса, цепи хватает для работы, но не для забывчивости. На пластине штрафного контракта серыми стали четыре ячейки, двадцать шесть ещё темны. Левый бок под вчерашней повязкой напоминает о себе при каждом шаге вниз, зато сегодня мне впервые больно не оттого, что я здесь чужой, а от обычной глупости — полез удерживать человека тяжелее себя. Это почти выздоровление.

Вход в шахту устроен внутри круглого двора, где стены уходят вверх дальше света, а вниз — дальше звука. Четыре клетки ползут вдоль каменного колодца на отдельных канатах: две поднимают вагонетки с серой крошкой, одна возит людей, четвёртая висит у противоположной стены с перекошенной рамой и красной цепью поперёк дверцы. Рабочие стараются на неё не смотреть. Над каждой площадкой прибита табличка своего цвета; подписи я не читаю, но границы слоёв видны и без Каталога. Кирпич сменяется тесаным камнем, тот — обожжёнными арками, ниже проступает кладка из тёмных блоков с зелёными потёками. Город не закопали за один раз. Он медленно наступал себе на плечи, пока старые крыши не стали полами.

У нашей клетки ждёт мужчина в потёртой кожаной куртке. Невысокий, плотный, с обожжённой полосой от уха к воротнику и руками человека, который проверяет верёвку не взглядом, а весом. Пока Тея предъявляет допуск, он успевает дёрнуть оба стопорных каната, осмотреть скобы на моём поясе и заставить Гира переложить клинья из одного ящика в другой, потому что у первого треснул угол. Потом берёт копию плана, смотрит на старые и свежие линии и складывает лист так, чтобы подмена осталась снаружи.

— Берт Норр, безопасность нижних ходов, — говорит он. — Госпожа Марн отвечает за съёмку. Кто отвечает за решение, куда полезут люди?

— Я, — отвечаю я.

Берт переводит взгляд на наручник. — Тогда у нас новый способ экономить на начальстве.

Сил ставит свою печать под допуском и возвращает Берту дощечку. — Он отвечает, куда копать. Я — кто копает. Ты — чтобы сверху потом не писали, будто мы сами выбрали камень потяжелее.

— Если сверху напишут, камню станет легче?

— Нет. Но бумага будет тяжёлая.

Шутку Берт не поддерживает, однако отдаёт план Тее и велит всем снять с ремней свободные металлические вещи. В шахте работают старые литовые линии; гайка, оказавшаяся возле открытого проводника, может притянуться к стене вместе с ремнём и хозяином. Это уже его профессия, и я не лезу с вопросами, пока правило не касается нашего маршрута. Касается оно быстро. Берт запрещает брать короткий ход, нарисованный свежими чернилами, и назначает спуск по старой грузовой галерее. Мы пришли к тому же решению вчера, но он не доверяет ни архивной печати, ни моему согласию и заставляет Тею прочитать вслух каждый запрет в допуске. Сил морщится на словах «без изъятия встроенных предметов», Лот пересчитывает мешок бирок, а люди «Вертикали» у соседней клетки слушают слишком внимательно для тех, кого это не касается.

Клеть принимает нас двумя партиями. Я спускаюсь во второй вместе с Теей, Бертом, Лотом и ящиками для съёмки. Клетка скрипит на каждом стыке направляющих, за решёткой проходят этажи чужих городов. На уровне Аркад видны заделанные окна и половина вывески, ниже торчит колокольная лестница, обрезанная шахтным стволом. В Слое Меди

стены покрыты трубами; некоторые ещё тёплые. Потом лампы начинают гореть ниже обычного, и Берт поднимает ладонь, проверяя пламя. Оно не вытягивается и не синеет. Только после этого он разрешает Лоту перестать задерживать дыхание.

— Я не задерживал, — говорит парень и шумно втягивает воздух.

— Тогда у тебя внутри ещё один подъёмник.

На нижней площадке нас встречает гул работающей дробилки. До неё два поворота и толстая дверь, но камень передаёт удары лучше голосов. Пыль лежит на рельсах, балках, кабелях и старом водоводе, выведенном вдоль стены; под сапогами она спрессована в серую корку. Свежая копия плана обещает здесь ровный ход до участка подмены. Старая показывает вентиляционный канал, обходную нишу и излом опорной линии. Прав оказывается старый лист: через двадцать шагов потолок опускается, путь пересекает кирпичный короб, а несущая кладка уходит вправо именно там, где новые чернила выпрямили её одним движением пера.

Тея ставит рейку. Берт не даёт людям пройти дальше, пока сам не простукивает три стойки и не меняет одну распорку. Она выглядит целой, но железный костыль вышел из гнезда на толщину пальца. Сил наблюдает, как Берт выбивает его и ставит новый, затем кивает своим: здесь вопросы задают до приказа, а не после. Я в это время сверяю пол с обеими версиями карты. Свежий маршрут ведёт прямо к глухой стене из светлых блоков, старый огибает её вдоль рельсов и заканчивается площадкой, где тридцать лет назад добывали облицовочный камень. Подмена не открывает тайный короткий путь. Она подводит проходчиков к месту, которое кто-то хочет расчистить чужими руками.

— До полудня наша задача — проверить старый ход и отметить расхождения, — говорит Тея, закончив промеры. — Ничего не вскрываем за пределами выданного участка.

— Тогда зачем вы привели археолога? — Берт обращается к ней, но смотрит на меня. — Чтобы он красиво описал стену?

— Стена уже описана как безопасная, — отвечаю я. — Поэтому начнём с пола.

На площадке серое покрытие кажется обычной шахтной забутовкой: щебень, известковая пыль, куски рельсовых подкладок, угольная крошка. Но у левой стены из-под корки выглядывает гладкий камень с узкой выемкой. Слишком ровной для естественной трещины и слишком пологой для желоба, отводящего воду из действующей шахты. Я снимаю верхний мусор кистью на площади в ладонь. Под ним появляется край плиты и чёрная полоска плотного ила. Рельсовая подкладка лежит поверх полосы, значит, слой старше шахты. Само по себе это доказывает только одно: до рельсов здесь был пол. Улица начинается, когда у пола находятся края, уклон и причина принимать воду.

Я размечаю три узких квадрата: у выемки, через четыре шага по направлению гравировки и возле светлой стены. Сил распределяет людей без моего участия, но я всё равно проверяю, кто держит совок, кто собирает отвал и где лежит пустая тара. Он замечает это и ничего не говорит. Гир с молодым рабочим снимают шахтную корку деревянными лопаточками, двое просеивают рыхлый мусор, Лот принимает находки и ставит бирки. Неожиданно ему не хватает рук: в первом же квадрате выходят железная шайба, обломок лампы, два гвоздя и край медной таблички. Все предметы относятся к поздней работе шахты, но парень записывает их по отдельности, сверяет место и только после этого кладёт в мешки. Четыре дня назад здесь бы выбрали медь и сбросили остальное в вагонетку. Теперь люди ворчат не на порядок, а на то, что мешков мало.

— Если найдёте ещё одну шайбу, объединяя только после отметки глубины, — говорю Лоту.

— Я знаю.

— Поэтому и повторяю.

— Если знаете, что я знаю, зачем повторяете?

Сил, не поднимая головы, отрезает: — Потому что он отвечает за решение. Мы это уже выяснили наверху.

Берт сидит у ближайшей стойки и ножом очищает древесину от серой плесени. — Нет. Наверху мы выяснили, кто назовёт своё имя, если решение окажется плохим.

К первому колоколу три квадрата соединяются. Под шахтной забутовкой лежат два ряда крупных плит, между ними — полоса более мелкого камня, утоптанного до гладкости. У левой стены идёт водосток шириной в две ладони. Его дно выложено тонкими пластинами, края стёрты не водой, а тысячами подошв и колёс. На противоположной стороне обнаруживается приподнятый бордюр; за ним кладка старого фасада, срезанная при расширении шахты. Это не двор и не пол мастерской. Дорога проходит поперёк выработки и уходит к светлой стене, которую на свежей карте объявили цельной породой.

Сил приседает на очищенную кромку, проводит пальцем по двум параллельным бороздам. — Телега?

— Или тяжёлая ручная платформа. Колёса узкие, расстояние между ними постоянное. Пока пишем «колея».

— А «улица» когда?

— Когда найдём вторую сторону, водоотвод и фасадную линию не на одном пяточке.

— Ты уже нашёл.

— Я нашёл достаточно, чтобы продолжать. Это дешевле, чем потом объяснять комиссии, почему дорога превратилась в красивую версию комнаты.

Тея делает общий снимок. Разряд на миг выбеливает площадку, и на пластине проступает то, что глаз теряет из-за одинаковой серой пыли: поздние рельсы пересекают древние плиты почти под прямым углом, а светлая стена стоит поверх обоих бордюров. Её нижний ряд не врезан в дорожное полотно. Камни посажены на толстую подушку из щебня и раствора, которой заполнили улицу уже после того, как она перестала быть улицей. Выше кладка уходит в фундамент шахтного колодца. Если убрать два нижних блока, стена не повиснет в воздухе из вежливости. Она передаст нагрузку туда, где окажутся наши головы.

Берт видит это раньше, чем я успеваю закончить осмотр. Он вытаскивает мел, проводит на полу линию в двух шагах от фундамента и ставит на ней три косых креста. — За это не заходить. Не подкапывать. Не вычищать раствор между нижними блоками. Кто решит, что его рука тоньше обвала, пойдёт наверх вместе со мной.

— На свежем плане стена безопасная, — замечает молодой рабочий.

— На свежем плане у тебя и головы нет, — отвечает Берт. — Но каску ты почему-то надел.

Тея записывает его запрет в книгу расхождений. Я прошу два контрольных квадрата по краям площадки, там, где фундамент примыкает к боковым стенам выработки. Берт сперва отказывает: слишком близко к своей меловой черте. Приходится показать, что вскрывать будем только верхний шахтный слой, не доходя до подошвы фундамента. Он требует оставить перемычки через каждые полшага и лично выбирает места. Его осторожность отнимает время, моя — терпение, но спорить с человеком, отвечающим за то, чтобы потолок оставался потолком, глупо даже для начальника с официальным наручником.

В правом квадрате водосток не появляется. Вместо него под рельсовой засыпкой лежит обрубленный бордюр и часть ступени, уходящая в боковую стену. В левом Гир снимает плоский камень и открывает продолжение канала. Тот подходит к фундаменту под углом и исчезает под щебёночной подушкой. На дне сохранился узкий тёмный налёт. Тея берёт пробу с открытого участка, потом заставляет меня отойти и сама измеряет уклон: три пальца на десять шагов, вниз к стене. Я не умею делать её работу точнее и потому держу рейку, пока она повторяет промер с другой точки.

— Если за стеной канал продолжится на той же отметке, получим независимую линию, — говорит она. — Но за стеной действующая галерея «Вертикали». Наш допуск туда не распространяется.

— Галерея выше на полтора шага, — возражает Берг. — Подошву фундамента с той стороны всё равно не увидите.

Я раскладываю копию браслетной гравировки рядом с планом. Улица не упирается в стену, а проходит под ней и через пятнадцать шагов изгибается. Если её левый водосток сохраняет уклон, после изгиба он должен выйти к старой водосборной нише, отмеченной на плане ещё до подмены. Ниша доступна из нашего хода, но забита известковой коркой и десятилетиями считается частью шахтного водоотвода. Проверка не требует трогать фундамент. Требуется пройти лишние восемьдесят шагов вокруг, спуститься на площадку ниже и доказать то, что ломом выяснили бы за четверть часа.

— И сколько людей оставить здесь? — спрашивает Сил.

— Четверых с Гиром. Снять шахтную засыпку до моей линии, дальше не идти. Лот остаётся с журналом.

Парень вскидывает голову. — Почему я?

— Потому что у тебя все номера.

— Я могу взять номера с собой.

— А если здесь выйдет новый предмет?

— Гир подождёт.

Гир не вмешивается, хотя по лицу видно: ждать семнадцатилетнего хранителя бирок он не собирается. Я уже открываю рот, чтобы окончательно распределить работу, но Сил снимает с пояса запасную дощечку и бросает Лоту. — Идешь. Гир запишет находку и не умрёт от такой ответственности. Если ошибётся, исправишь его громко, чтобы вся шахта знала.

Мне не нравится, что журнал останется без меня. Ещё меньше нравится, что Сил решил за мой участок. Однако четыре человека не должны стоять из-за того, что я привык считать собственные глаза единственным надёжным прибором. Я проверяю меловую границу, проговариваю глубину остановки и заставляю Гира повторить. Он повторяет без ошибки, потом добавляет: — И если полезть ниже, Лот закричит так, что фундамент сам уйдёт.

Мы обходим стену по старой галерее. Берг идёт первым, стучит рукоятью по стойкам и дважды заставляет нас переступать через рельс по одному, потому что под шпалами размыло грунт. За вторым поворотом шум дробилки стихает. Воздух холоднее, вода капает редко, но каждая капля слышна до следующей. Водосборная ниша оказывается полукруглой камерой по колено высотой, вырубленной у пола. Светлая корка закрывает её почти целиком. Сверху в камень входит новая железная труба, снизу выступает край старого желоба. Шахтёры использовали готовое углубление, не зная или не желая знать, откуда оно взялось.

Берг разрешает чистить только наружный край. Я снимаю известь слоями, Тея отмечает каждый, Сил держит лампу и время от времени поглядывает назад, будто считает шаги до своих людей. Под новым раствором выходит тёмная пробка из песка и мелких черепков. Она лежит не беспорядочно: вода когда-то несла материал сюда, пока канал не перекрыли фундаментом. На стенке проступает полированная полоса той же ширины, что у открытого водостока. Уклон совпадает. Ещё ниже находится плоская каменная крышка с двумя отверстиями; расстояние между ними совпадает с промежутком между двумя рисками на золотой ленте.

— Можем соединить линию? — спрашивает Тея.

— По направлению, уклону и конструкции — да. Но я хочу увидеть состав тёмного налёта.

— В шахте лаборатории нет.

— Зато у нас две руки и нос.

Берг впервые усмехается. — Наконец-то официальная наука.

Я растираю по отдельности две крошечные пробы на белой черепице. Обе пахнут сырой известью и старым железом, обе оставляют буро-чёрную полосу с блестящей слюдой. Это не датировка и не доказательство общего источника само по себе, но четвёртый совпадающий признак к трём уже измеренным. Тея запечатывает черепки в разные пакеты, затем проводит на копии непрерывную линию от вскрытой мостовой до ниши. Она проходит под несущей стеной и выходит ровно туда, куда ведёт гравировка браслета.

Каталог проявляется не сразу. Сначала воздух у пола становится янтарным, как будто лампа отразилась от мокрого камня, потом линии проступают поверх копии и настоящего желоба одновременно. Я успеваю предупредить Тею. Она откладывает карандаш, смотрит мне в глаза и считает вслух до пяти, проверяя, не ломается ли глубина.

ПОЛЕВОЙ КАТАЛОГ

Наблюдение подтверждено: дорожное полотно и водосток принадлежат одному уличному контексту.

Связанный контекст прослежен: **ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ШАГОВ.**

Общий план: **0,6 %**.

Доступ: без изменений.

Надпись исчезает раньше, чем успевает заболеть правый глаз. Янтарная линия остаётся на мгновение вдоль старого канала и гаснет под фундаментом. Она не показывает обход и не обещает дверь. Только подтверждает уже измеренное: улица существовала целиком до того, как Кайр поставил на неё свою стену. Шесть десятых процента звучат почти оскорбительно после целого утра работы, зато это первая часть чужого города, проверенная не по печати и не по словам Палаты.

— Что увидели? — спрашивает Берт.

Я повторяю окно дословно. Тея записывает. Сил смотрит на линию на копии, потом на фундамент, которого отсюда не видно. — Тридцать семь шагов. А мы расчистили двенадцать.

— Остальное Каталог засчитал по каналу, — говорит Тея. — После независимых промеров.

— Удобный помощник.

— Не особенно, — отвечаю я. — Обход он не нашёл.

Возвращаемся к площадке ко второму колоколу. Гир успел снять ещё половину шахтной засыпки, не пересёк меловую черту и открыл край второго фасада. Лот первым показывает запись: три поздних гвоздя, кусок кожаного ремня и медная пуговица, все выше древнего полотна. Номера стоят правильно. Я проверяю глубины, расстояния, положение пакетов и понимаю, что ищу ошибку уже после того, как убедился в её отсутствии. Гир терпеливо ждёт, пока я закончу, затем спрашивает:

— Можно теперь считать, что мы ничего не испортили?

— Можно считать, что я не нашёл, где вы испортили.

— Вот поэтому начальников не любят, — говорит Сил. — Даже похвалу упакует так, чтобы не украли.

У входа в галерею появляется Керт. Левую ногу он держит прямо, на колене медная шина, под мышкой короткая трость. За ним идут двое людей «Вертикали» с ломami и мастер в чистой синей куртке, которую сюда надевали не для работы. Керт останавливается перед вскрытой мостовой. Сначала замечает целый фундамент, затем мою кисть с медным кольцом, и только потом смотрит на меня.

— Допуск вы получили, — говорит он. — Значит, Палата признала вчерашнее вмешательство допустимым.

— Палата признала, что я умею говорить «не знаю» в установленной форме.

— Полезный навык для штрафника. — Керт протягивает Тее распоряжение. — Главная галерея стоит с утра. На карте проход разрешён. Уберите два нижних блока, подтвердите пустоту и верните людей к добыче.

Тея не берёт бумагу, пока не надевает перчатки. Читает, сверяет печать и поворачивает лист к нему. — Распоряжение выдано по карте до фиксации подмены. Председатель Палаты добавил условие: свежие отметки недействительны.

— Мои люди не рисовали вашу карту.

— И поэтому не должны спешить по линии, которую рисовал кто-то другой.

Керт опирается на трость сильнее. Боль делает его лицо бледным, но голос остаётся ровным. — У вас два дня. Половина первого уже ушла на щётку и грязь. За стеной либо цельная порода, либо пустота. В обоих случаях ручное окно размером с голову не разрушит фундамент.

Берт встаёт между ломами и меловой линией. — Разрушит не окно. Разрушит снятая подушка под нижним рядом. Камни держатся не потому, что маленькие.

— Я не спрашивал тоннельного сапёра, который потерял свою бригаду.

Люди Сила перестают работать. Берт не меняется в лице, только большой палец ложится на обожжённую полосу у воротника. — Тогда спросите того, кто хочет потерять вашу.

Керт делает шаг к нему и морщится раньше, чем успевает скрыть боль. Сил не становится между ними. Он кладёт лопаточку на край мостовой и выпрямляется рядом с Гиром. Десять человек не угрожают, не поднимают инструменты, не произносят ни слова; просто перестают добывать для «Вертикали». Гул дробилки за стеной вдруг кажется громче.

— Ломать нельзя, — говорю я. — Фундамент позднее улицы и стоит на её засыпке. Если вам нужна пустота, ищите её со стороны, где она не держит шахтный ствол.

— Найдёте до третьего колокола?

— Нет.

— Тогда проходчики сделают окно.

— Не сделают, — отвечает Тея. Она ставит на его распоряжении время, делает пометку и возвращает лист. — По допуску безопасность ведёт Норр. Полевое решение — Корин. Съёмка и остановка работ — мои. Вы не указаны ни в одной строке.

Керт смотрит на неё дольше, чем на меня. Вчера Тея удерживала каменный замок, пока он висел над провалом. Сегодня её подпись удерживает стену. Благодарность по-прежнему не входит в его набор инструментов. Он велит мастеру в синей куртке отметить простой главной галереи за счёт Нижнего двора, разворачивается осторожно, не сгибая колена, и уходит. Двое с ломами задерживаются на секунду. Берт указывает им на выход своим мелом. Они понимают.

— Он спишет смену на нас, — говорит Сил, когда трость стихает за поворотом.

— Я приложу к акту время приказа и номер недействительной карты, — отвечает Тея.

— Бумага будет тяжёлая?

— Очень.

Сил вздыхает. — Тогда хотя бы руку ему оттянет.

Искать обход начинаем от правого бордюра. Улица могла иметь двери, лестницы, водосборы, подвалы; шахта срезала фасады не везде одинаково. Ступень, найденная в контрольном квадрате, уходит в боковую стену выработки. На старой карте там обозначена глухая ниша, на свежей — ровная порода. Кладка над ступенью отличается от фундамента: узкие кирпичи, много раствора, арочный шов проступает через известковую побелку. Это не несущая стена шахтного колодца. Кто-то заложил прежний спуск после того, как улица ушла под землю.

Берт проверяет свод, сверлит ручным коловоротом два тонких отверстия в растворе и слушает воздух через медную трубку. Из верхнего тянет слабо, из нижнего пахнет мокрой

золой. Пустота есть, но он всё равно не разрешает вынимать кирпичи, пока не ставит две стойки и поперечную раму. Сил отдаёт ему Гира и ещё троих. Я показываю границу поздней закладки, отмечаю каждый кирпич, диктую Лоту порядок снятия. Получается медленно. К третьему колоколу открываем проём шириной в плечи и видим за ним не коридор, а лестницу, забитую землёй до четвёртой ступени.

Керт получает свой ответ: пустота есть не за фундаментом, а сбоку. Только его уже нет, а работа не становится легче от того, что противник ушёл. Засыпка влажная, слежавшаяся, с обломками досок и кусками штукатурки. Верх держится под аркой, нижняя часть давит в проём. Если выбирать грунт снизу, весь клин сползёт на людей. Берт требует раскрывать лестницу сверху, но верх лестничной клетки находится за боковой стеной действующей галереи «Вертикали», куда нас не пустят без нового допуска. Я предлагаю оставить проём и искать другой вход. Сил считает до десяти взглядом, не словами, затем спрашивает, сколько времени отнимет новый акт.

— До завтра, — отвечает Тея. — Если Керт не оспорит.

— Оспорит.

— Тогда дольше.

Лот просовывает лампу между нижним кирпичом и грунтом. — Здесь доски не просто поперёк. Они стоят углом.

Я забираю лампу, но он не отпускает ручку. Приходится смотреть вдвоём. В серой земле действительно виден край доски, наклонённой от дальней стены к проёму. Выше торчит вторая, параллельная. Не остатки ступеней: волокна идут вдоль склона, на концах сохранились железные скобы. Когда лестницу засыпали, из досок собрали наклонный короб, чтобы грунт не перекрыл водосток внизу. Позже верхние доски сгнили, но боковые ещё держат узкий карман.

— Если идти по коробу, клин останется сверху, — говорит Лот.

— Если короб цел, — поправляю я.

— Я это и сказал.

— Нет. Ты сказал удобную половину.

Берт ложится у проёма, освещает скобы и долго молчит. Потом велит всем отойти, просовывает внутрь тонкий шест и нажимает на каждую доску. Первая пружинит, вторая крошится с края, третья держит. — Человека не пустим. Можно раскрывать вдоль левой стенки сверху вниз, по одной ладони. Поставим щиты вместо досок и выберем узкий лаз. Кто полезет шире разметки, останется там частью крепя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.